Е. М. ПЕЩЕРЕВА

# ЯГНОБСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

ДУШАНБЕ — 1976

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А.ДОНИША

Б.М. ПЕЩЕРЕВА

# ЯГНОБСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор
Н.Н.Ершов, заслуженный
деятель науки
Таджикской ССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДОНИШ"
ДУШАНБЕ - 1976

В работе публикуются этнографические материалы, собранные автором во время трех экспедиций в Ягноб – один из самых глухих в прошлом уголков Туркестана, населенный немногочисленной народностью – ягнобцами – прямыми потомками согдийцев.

Материалы собирались в 1924–1927 гг. и являются уникальными. Они не только не потеряли своей научной значимости, но, наоборот, приобрели ценность первоисточника, так как ягнобцы давно переселены на равнину и их прежний быт безвозвратно ушел в прошлое.

Издание состоит из небольших предисловий редактора и автора и из 9 разделов, освещающих скотоводство, молочное хозяйство, домашние промыслы, домашний и семейный быт, свадьбу, народную медицину и др.

Работа вводит в научный оборот ценный фактический материал, представляющий большой интерес для этнографов, историков, фольклористов и языковедов.

П 10602 – 043 70–76
М 502 – 76

© Издательство "Дониш", 1976 г.

Ягноб

## О Т Р Е Д А К Т О Р А

Автор настоящей работы, доктор исторических наук Елена Михайловна Пещерева, в 1924–1928 гг. была участником ягнобских экспедиций, которыми руководил М.С. Андреев. Ею собраны материалы по ягнобскому фольклору, послужившие впоследствии вместе с материалами М.С. Андреева основой для подготовки и издания ягнобских текстов и словаря ягнобского языка[1]. Е.М. Пещеревой были собраны также сведения по таким этнографическим темам, как молочное хозяйство ягнобцев, домашние промыслы, семейный быт. Попутно ею были собраны и некоторые отрывочные сведения по земледелию и землепользованию, охоте, скотоводству, заготовке кормов, а также сведения по именам мужским и женским. Эти материалы были переданы ею Институту истории и большей частью вошли в работу М.С. Андреева "Материалы по этнографии Ягноба"[2], пополнив материалы соответствующих разделов, собранные самим М.С. Андреевым. Некоторые же сведения, довольно краткие, в частности по скотоводству и заготовке кормов, не были включены в работу М.С. Андреева и публикуются в настоящем издании. Материалы по этнографии ягнобцев, собранные Е.М. Пещеревой полвека назад и полностью относящиеся к дореволюционному времени, вместе с книгой М.С. Андреева "Материалы по этнографии Ягноба" и опубликованными "Ягнобскими текстами" М.С. Андреева и Е.М. Пещеревой, составив единое целое, явятся ценным вкладом в этнографическое изучение Таджикистана и населяющих его народов.

Транскрипция ягнобских и таджикских терминов, выражений и фраз дана современным таджикским алфавитом, состав –

---

1) А н д р е е в М.С. и П е щ е р е в а Е.М. Ягнобские тексты (с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М.С. Андреевым, В.А. Лифшицем и А.К. Писарчик). М.–Душанбе, 1957.

2) А н д р е е в М.С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, "Дониш", 1970.

ленным, как известно, на основе русской графики, и с указанием ударений в отдельных ягнобских терминах, а также и в тех таджикских терминах, которые произносятся по-ягнобски.

# О Т  А В Т О Р А

Настоящая работа представляет собой изложение материалов, собранных мною главным образом в 1927 г. среди населения долины р. Ягноб, являющейся притоком реки Фандарья.

Посещение нами долины р. Ягноб в 1927 г. являлось третьим по счету. В первый раз мы прошли туда в 1924 г. через перевал Хок в конце августа - начале сентября, пробыв в селении Ноумиткон и Пулля-Роут в общей сложности недели две, и затем через перевалы Суркат и Обурдон спустились в Ура-Тюбе[1].

В 1925 г. мы прошли через Ягноб, направляясь в южные районы Таджикистана. Через перевал Минора в Зеравшанском хребте мы прошли по р. Ягноб лишь до селения Думзой и вынуждены были спешно уйти оттуда из-за появления басмачей. На пути из сел. Думзой в сел. Хшартоб у нас произошло несчастье - оборвался в реку карниз, по которому проходила тропа, и погибла часть багажа, в котором находились записи того года, сделанные по пути в Ягноб и в самом Ягнобе, а также записи, сделанные М.С. Андреевым в 1924 г.

В 1927 г. кроме М.С. Андреева и меня в экспедиции, также организованной Средазкомстарисом и Обществом по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами, принимала участие студентка восточного факультета САГУ Н.В. Русинова. На этот раз экспедиция пробыла в Ягнобе около трех месяцев (со второй половины июня до половины сентября), делая фольклорные записи, собирая этнографические материалы и приобретая коллекции для Главного Среднеазиатского музея в Ташкенте[2].

---

1) Экспедиция была организована Среднеазиатским комитетом по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы. Главной ее целью был сбор этнографических коллекций для Главного Среднеазиатского музея в Ташкенте. Возглавлял экспедицию М.С. Андреев.

2) В настоящее время эти коллекции хранятся в Музее истории Узбекской ССР в Ташкенте.

Работы проводились в селениях Бидив, Кули-Боло, Пулля-Ро́ут и Ка́ши и на летовье Кули-Ворсо́ут. Я выезжала еще дополнительно на летовье селения Бидив вместе с женщинами для наблюдения, как они туда переселяются, и на летовье селений Кули-Боло и Ка́ши для сбора материалов по гончарству и обрядам, связанным с обрезанием.

Из материалов, собранных М.С. Андреевым и мною в Ягнобе, полностью опубликованы лишь фольклорные[1]. Этнографические материалы М.С. Андреева, за исключением небольшого количества вошедших в его различные работы[2], опубликованы в 1970 г.[3] Из собранных мною материалов, кроме фольклорных, изданных вместе с материалами М.С. Андреева, полностью опубликованы материалы по женскому гончарству, по детской игрушке и частично по молочному хозяйству[4].

---

1) А н д р е е в М.С. и П е щ е р е в а Е.М. Ягнобские тексты. М.-Л., 1957.

2) А н д р е е в М.С. По этнографии таджиков. – Сб.: Таджикистан. Ташкент, 1925; О н ж е. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. – Сб.: По Таджикистану. Ташкент, 1927; О н ж е. Поездка летом 1928 г. в Касанский район (Север Ферганы). Ташкент, 1929; О н ж е. Экспедиция в Ягноб под руководством М.С. Андреева. "Бюл. САГУ", 1928, № 17, Ташкент.

3) А н д р е е в М.С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, "Дониш", 1970.

4) П е щ е р е в а Е.М. Молочное хозяйство у горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. – Сб.: По Таджикистану. Ташкент, 1927; О н а ж е. Гончарное производство у горных таджиков. – "Изв. Средаз. географ. о-ва", т.19, Ташкент, 1929; О н а же. Детские игрушки и игры у таджиков и узбеков.-Сб. МАЭ, ХУП, М.-Л., 1957; О н а ж е. Гончарное производство Средней Азии. – "Тр. ИЭ, Новая серия", т.42, М.-Л., 1959.



Мною были собраны и материалы по молочному хозяйству, летовьям, обработке шерсти и кож, верованиям, связанным с путешествиями, пище (кушанья, сорта хлеба), беременности, родам, воспитанию детей, детским играм и похоронам детей, мазарам, размерам семьи и организации жизни в ней, свадьбе, народной медицине[1].

Материалы собирались как путем непосредственного наблюдения над жизнью ягнобцев, так и путем опросов при разговорах по поводу виденного, проверкой в разных селениях записанных сведений и того, что происходило в те сезоны года, которые были недоступны наблюдениям.

Так как мужчины все знают таджикский язык, говорили мы с ними по-таджикски. Только с женщинами, не говорившими на нем, но понимавшими его, мне приходилось объясняться таким образом, что я обращалась к ним по-таджикски, а они мне отвечали по-ягнобски. Пониманию ягнобского языка способствовали записи текстов, сделанные мною как в 1924, так и в 1927г., которые я, не будучи лингвистом, производила, главным образом, с целью усвоения ягнобского языка, сбора фольклора и получения ряда интересных реалий, помогавших мне полнее освоиться с бытом и мировоззрением ягнобцев.

---

1) Материалы по пище, детским играм, размерам семьи и организации жизни в ней в данное издание не вошли (прим.ред.).

# СКОТОВОДСТВО

Скотоводство в Ягнобе большого развития не получило, так как зимой скот находился на стойловом содержании и размеры стада зависели от количества рук в хозяйстве при заготовке кормов на зиму. Держали крупный рогатый скот, овец, а также коз. Лошадей во время наших посещений долины Ягноба (включая и таджикские селения) имелось всего 6. Ослов не разводили, держали только самцов, приобретая их в соседней долине р. Зеравшан и на базарах в Душанбе и Ура-Тюбе.

Хорошими сторожевыми собаками ягнобцы очень дорожили, так как они в летнее время в период полива хлебных полей являлись единственными защитниками женщин и детей, живших нередко на удаленных от селений летовьях, где выпасался дойный скот. Нам говорили, что цена хорошей овчарки была равна цене быка.

Весной, когда хлеб уже посеян и в долине появлялась трава, скот выгоняли из хлевов, и пока не подымались хлеба и не отрастала трава в более высоких местах в горах, куда выводили на летовье, он пасся вокруг селения.

При первом выгоне скота из хлевов под порог клали серп или, если его не было, топор, чтобы у скота "душа стала бы крепче железа". Скот первый раз выводила женщина. Она бросала серп под порог и становилась с правой стороны двери. Когда весь скот выходил, она кидала ему вслед камень и говорила: Ша́ут, хазрати чупон Ато ёрт вот - "Идите, святой Чупон Ато пусть будет вам другом [пусть будет с вами]". Пастух, беря в руки пастушью палку, произносил: Ё хазрати Чупон Ато, ёрам вот - "Пусть будет мне другом [будет сопутствовать] святой Чупон Ато". Если коровы были черные, то железо под порог не бросали, так как черный цвет являлся для них охраной от разных бед[1].

1) В Ягнобе коровы и быки большей частью черного цвета, рыжие и пестрые встречаются редко.



При выходе на летовье весь скот гнали в горы и тогда коров, овец и коз пасли там около летних жилищ, пригоняя их, если нужно, днем для доения, а быков и волов отгоняли подальше в горы, в места, обильные травой, и они паслись там без надзора. Только иногда кто-нибудь из мужчин относил им куски соли. Там быков держали до осени, до наступления молотьбы, когда их пригоняли с гор для работ на гумне.

## ЗАГОТОВКА СЕНА

Сел. Бидив.

Зимние корма для скота заготавливали с июля до начала жатвы хлебов. Так как скот зимой находился на стойловом содержании, сена требовалось много, и поэтому заготовка кормов являлась очень серьезным делом в жизни ягнобцев.

При кошении травы в и́ р н а (иган), обжигающей кожу до пузырей, на левую руку, которой захватывают траву, надевали кожаную перчатку - б и д а́ с т а.

Кормили и поили скот, а также очищали хлева и прогребали дорожки к хлевам, постоянно заносимые зимой снегом, мужчины. Они же выносили навоз. Женщины присматривали за коровами, особенно весной, когда наступал период отела. Молочное хозяйство являлось той областью, в которую мужчины не имели права вмешиваться.

В сел. Бидив, когда корове приходило время телиться, за ней присматривали днем и ночью. Если женщина, входя в хлев, видела, что корова начинает телиться, она отрывала от рубашки лоскуток, завязывала его узелком и бросала на пол, произнося: Дахмаш паремон на вот - "Пусть боль ее не рассеется", т.е. пусть корова не разболеется. Родившегося теленка уносили в дом и клали в теплое место, а когда он обсохал, несли к корове. Чтобы предохранить корову от "сглаза", с семи перекрестков дороги брали по одной травинке (считалось, что может быть по этим дорожкам проходили люди, которые могут сглазить корову). От одежды семи людей (кого подозревали в дурном глазе) тайно отрывали по лоскутку. На лопату или в медный ковшеобразный сосуд - ялоғу кла-

ли горячие угольки, а на угли – руту[1], семь травинок с дорог и семь лоскутков. Они дымились, и этим дымом три раза окуривали голову коровы[2], три раза вымя и три раза теленка. Потом подпускали теленка, который должен был пососать все четыре соска. После этого теленку оставляли два соска, а другие два доили. Если молока мало, то из каждого соска выдаивали хотя бы по капле. Молоко только что родившей коровы (молозиво) называли фу́лла.

Приступая к первой дойке отелившейся коровы, говорили: Бисмиллоҳи раҳмони раҳим. Аз гови сиё ширн сафед! Назари худои таало. Е Сомир, ё Сотир! – "Во имя Аллаха милостивого и милосердного. От черной коровы – белое молоко. Око господа всевышнего. О, Сомир! О, Сотир!" Считали, что молозиво выдаивается в течение трех дней. Его собирали в кувшин. Остывшее кипяченое молозиво имеет консистенцию густого молочного киселя и также называется фу́лла.

Молоко собирали иногда в течение десяти дней, чтобы набрать целый котел. Затем смешивали с фу́лла и кипятили. Когда молоко закипало, котел снимали с огня. Если корова молодая и телилась в первый раз, фу́лла выносили в мехмонхону в качестве худой – жертвенного угощения. Если же корова телилась не первый раз, часть фу́лла съедали дома, а остальную часть раскладывали по чашкам и раздавали соседям.

Если после отела у коровы распухало вымя, то считалось, что это произошло от "сглаза". Тогда хозяйка, вымазав ладонь и пальцы сажей с нижней части котла, ударяла легонько ею три раза по вымени коровы, каждый раз громко произнося "Аф"!

Чтобы предохранить от сглаза корову, дающую много молока, брали у муллы тӯмор – молитву-заклинание от дурного глаза и, зашив бумажку, на которой написано заклинание, в кусок шерстяной материи, вешали на шерстяной веревочке на шею корове. Так же делали и с окотившимися козами и овцами.

---

I) Руту – ҳазориспанд приносят из Фальгара.

2) Окуривание называли вуд, обычный дым – пайст.



Для предупреждения выкидыша у коровы или овцы тоже у муллы брали тӯмор и вешали на шею животного.

Когда весной в первый раз доили корову, то на туҳуч – крышку[1] ча́гна – кувшина, в который доится молоко, клали зеленую веточку арчи, чтобы молоко было постоянно сабз, т.е. свежим (букв. зеленым).

Когда первое молоко кипятили, то, чтобы предохранить его от "сглаза", под котел в огонь бросали веточку руты, а также семь палочек, взятых с семи перекрестков. Сливая молоко в котел, говорили: Бисмиллоҳи раҳмони раҳим! Тишта на во! – "Во имя бога милостивого и милосердного! Не прокисни!".

Когда заквашивали молоко, то, налив в него в качестве закваски немного пахтанья, ударяли по стенке сору[2] рукой и говорили: Бисмиллоҳи раҳмони раҳим, майт хишт шавот – "Во имя бога милостивого и милосердного, твердым [как] кирпич пусть оно станет!".

Перетапливая аввалӣ – первое масло в году, под котел бросали веточку руты, а в котел – горсточку зеленых листиков.

Считалось, что первое масло обладает благодатью. Его не ели, а, перетопив, сливали в отдельные кувшинчики, и каждый раз, когда потом еще топили масло и сливали, в каждый кувшин клали по кусочку аввалӣ. Весной, когда коровы начинали доиться, женщины организовывали ширбо́ма – товарищества по сбору молока. В Ягнобе в ширбо́ма участвовало по две семьи, обычно родственные. Женщины, ведавшие молочным

---

I) Крышка эта служила одновременно ситом, через которое процеживали молоко. Она имела вид чашечки с отогнутыми краями, на дне которой сделаны три дырочки, через которые молоко стекает в кувшин. Чтобы грязь и волосы не попадали в кувшин, поверх дырочек клали или клочок шерсти, или пучок очень мелких корешков травы бу́тта, которая растет повсеместно высоко в горах.

2) Сору – сосуд из согнутых в форме лукошка тонких досок с дощатым дном.

хозяйством в этих семьях, получали по очереди в свое распоряжение молоко из другого дома. Обычно первый раз несли молоко вечером под понедельник[1], за исключением 9, I9 и 29-го дня, так как они считались "нехорошими". Первой несла молоко та женщина, дом которой расположен выше по течению реки: "чтобы молоко текло так же, как вода в реке". На крышку кувшина клали зеленую веточку. Входя в дом, произносили: Бисмиллохи рахмони рахим! Хазрати Али, Хазрати Мустафо! Барака аз райб, маза аз бихишт. Ба нияти Биби Фотима, Биби Зухро, Хочаи Хизр назар кунат - "Во имя бога милостивого и милосердного. Святой Али, Святой Мустафа. Благодать из потустороннего мира, сладость из рая. Во имя госпожи Фатимы, госпожи Зухры. Да охранит Ходжа Хизр".

Войдя в дом, она ставила кувшин на пол. После этого мерили молоко. Пока молока много, измеряли кувшином и по швам - кук деревянных сосудов, а когда его становилось меньше - биркой - ченг.

Молоко сливали в посуду хозяйки. Она его отставляла в сторону и сверху прикрывала, чтобы на него не попал чей-нибудь "дурной" глаз[2], затем хозяйка угощала принесшую молоко женщину хлебом и кислым молоком.

---

I) Вечера под пятницу и понедельник повсюду в Средней Азии были посвящены духам предков. Считалось, что в эти вечера духи предков посещают свои дома.

2) Считалось, что молоко очень боится "дурного глаза", и если его "сглазят", то это может повлиять на корову, и она заболеет. Молоко также боится темноты. С наступлением темноты не давали из дома ни кислого, ни пресного молока, так как сафеди чукайр тишт - "белизна - молоко боится". Если же случалось ночью дать молоко, то сосуд с ним закрывали и на крышку клали или кусочек ваты, или щепотку муки, или кусочек хлеба. В дни очуз - последние дни зимы, представлявшиеся в образе старухи, в молоко в этих случаях бросали уголек, чтобы оно не испугалось очуз. В темноте молоко не оставляли незакрытым. Если доили в темноте и посуда была без крышки, то молоко прикры-



В холодную погоду молоко стояло некипяченым 5-7 дней. Если молоко скисало до кипячения, то с него снимали все сливки, молоко подогревали и заквашивали, а затем сбивали из него масло. Считалось, что масло из него выходит гораздо хуже. Эти дни неурочного кипячения назывались дармиён - "посредине". С сырого молока в специальную посуду собирали сливки. Во время кипячения с молока снимали пенки. После того как молоко прокипело, снимали с огня и, остудив слегка, вливали в него сливки и все переливали в другую посуду. Когда оно остывало до температуры парного молока, с одного края осторожно отодвигали пальцем пенку и вливали несколько ложек майшин - пахтанья. Потом осторожно ударяли по посуде рукой, произнося: Хишт, хишт - "Кирпич, кирпич". Только что заквашенное молоко называлось нимолин. Молоко закисало в течение трех-четырех часов.

Когда молоко закисало, из него сбивали масло. В сел. Бидив масло сбивали в куппи - деревянной маслобойке. Она стояла в доме на определенном месте на канна[1] в куппидук - небольшой ямке, чтобы не шаталась. Если масло сбивалось плохо, то брали пять камешков - панча и ишан или мулла читал над ними молитву. Затем камешки зашивали в тряпочку и опускали в маслобойку, когда сбивали масло. Летом при сбивании масла в маслобойку клали снег, за которым иногда приходилось идти очень далеко. Масло вынимали из маслобойки рукой, складывали в согу и немного присаливали.

Перетапливали его только в селении, так как там легче уберечь его от дурного глаза. Считалось, что от сглаза масло делается горьким или пригорает, а у скота, из молока ко-

---

(продолжение сноски I)

вали подолом. Пролитое на землю молоко тщательно соскабливали и вместе с землей бросали в проточную воду.

I) Так называется чистое, без очага помещение в доме.

торого получено масло, пропадает молоко или опухает вымя, а иногда он дохнет. Поэтому, перед тем как топить масло, все посторонние из дому удалялись. Топила масло старшая в доме. Она совершала омовение и, перекладывая масло из сӯғу в котел, произносила следующую молитву: Бисмиллоҳи раҳмони раҳим. Дасти ман не, дасти Биби Фотима, Биби Зуҳро. Назари худои таало. – "Во имя бога милостивого и милосердного. Рука не моя, рука госпожи Фатимы и госпожи Зухры. Взгляд господа всевышнего". Перетопленное и немного остывшее масло переливали в кувшины, и когда оно совсем остывало, кувшины закрывали крышками, иногда даже замазывали глиной и ставили в кладовую. При переливании в кувшины говорили те же слова, что и при перекладывании масла в котел.

Из-за продолжительной зимы ягнобцы не могли иметь много скота, поэтому мясо употребляли очень мало. Пища их в основном была мучной и приправлялась молоком и молочными продуктами. Скот свой они ценили, так как он был для них источником получения молока.

На важное значение молочного хозяйства указывает то большое количество оберегов, которое было с ним связано, а кроме того и особое отношение к гибели животного, дающего молоко. Смерть каждой дойной коровы или овцы было большой бедой, и среди женщин существовал обычай оплакивать издохшее животное.

В сел. Бидив женщина оплакивала корову, причитая: Ғоу мох амир, хайф аве, Ба кашкуле сиё апирахсем, чох куномшт? Ритем моу аве, рахем талх аве. Кай деваре шавом майшин хотир. Оё тифароштем, намтифароштем. Ягон тифарот, ягон иллат кунот – "Корова наша издохла, я осталась с черной [сухой] чашкой. Что я буду делать? Лицо мое стало черным, а рот мой стал горьким. К какой двери я пойду за пахтаньем. О, дадут мне или не дадут. Одни дадут, другие будут меня бранить".

На летовье сел. Кули-Болo также было записано оплакивание коровы и дойной овцы. Хозяйка оплакивала корову следующими словами: Ғовам амир – кай кот деваре шом мешин парведом, Ғайке рахем кок аширахс. Ой! Кахем мешин тифарот? Нам тифарошт, иллатам куношт. Идокай ке шаим, хорим тифа – рошт: "Хиринг, арк кунт. Беномустшт, арк накунтишт. Камат об кун. Шмох остона натист, то кай тистишт? Че мох остона на тист, на тифаромишт. Шаут Ҳисоре вет арк кунт, ғоу хиринт. – "Корова моя подохла, к дверям чьего дома я пойду, буду просить пахтанья? Рот моей дочери сделался сухим. О! Кто даст мне пахтанья? Не дадут мне пахтанья, будут меня бранить. Куда я ни пойду, меня будут бранить: "Купи́те (корову), работайте. Вы бесстыдная (бесчестная), не работаете. Сделай свою шею мокрою (т.е. работай, чтобы твоя шея вспотела). Не входи́те в дом (через порог), до каких пор вы будете входить? Не входи́те через наш порог, мы не дадим. Идите в Гиссар, работайте, купи́те (другую) корову".

Издохшую овцу оплакивали словами: Стурем пун вынай-пе ғар асин, ҳаром аве. Идокай ашайм кашкул носом, ку(й) не деваре то кай лаксомишт – "Овца моя с полным выменем взобралась на обрыв, [упала] и издохла. Я пойду возьму чашку и пойду. Под [чужими] дверями до каких пор я буду ходить".

Срок выхода на летовье зависел от того, насколько подрос хлеб на полях, и определяли его мужчины. Выходило на летовье сразу все селение. Днями выхода на летовье и возвращение оттуда считались пятница и понедельник. Женщины иногда оттягивали срок выхода на летовье, так как там в холодную дождливую погоду им в протекающих хижинах приходилось тяжело. Накануне назначенного дня начинались приготовления. Женщины топили масло и прятали его в кладовые соседей, чтобы уберечь от домашних лакомок. Если же кто-то из членов этой семьи проникал в кладовую и видел чужие кувшины, то из них уже взять не решался[I]).



I) Писти́к – кладовая представляла собой помещение более или менее просторное, в зависимости от состояния семьи. В нем были устроены 3–4 закрома для муки. Там же стояло масло и другие запасы. Ключ от кладовой хранила старшая в доме женщина, и все, что нужно было оттуда, выдавала она. Мужчин в кладовую не впускали без особо важного дела. Считали, что, во-первых, мужчина каким-нибудь неловким движением мог спугнуть "благодать" и с нею благосостоя-

На другой день, называемый хонтирóн (от хон – летовье, тирак – выходить), женщины с раннего утра собирали вещи, пекли хлеб, делали чанголи́, среди дня варили атóла и сафе-дак на цельном молоке. И каждый дом посылал по чашке этих кушаний для гостей в мехмонхоны. Мужчины грузили войлок, одеяла, колыбели, брали на спины котлы и выходили в путь, гоня перед собой скот. Котел обычно брали один на два-три дома, иногда даже на четыре, пять. Его возили по очереди. По очереди возили маслобойку, деревянные чашки для еды – один год одна семья, другой год – другая. Обычно на летовье очаги делались общие.

---

(продолжение сноски I)

ние дома, или посмотреть жадными глазами на какие-нибудь вкусные припасы, и они могли от этого испортиться. Осенью, когда делали запасы муки, мужчины доносили мешки с мукой до дверей, а женщины сами вносили мешки и высыпали муку в закрома. Вымыв ноги, уминали муку до твердого состояния, зимой ее скребли кривым ножом или деревянной лопаткой (то же самое в Фальгаре, Матче, Каратегине). Считалось, что если муку брать легко, то пропадает благодать и мука быстро выходит. Если летовье было расположено далеко от селения и женщины приходили редко, то бывало, что в селениях нельзя было купить масла, так как мужчины без женщин не смели его продать, хотя ключи от кладовой и были бы в этот момент у мужчин. Мужчине говорили: Ғурдат танг, баракат пароништ, на тис "Глаза у тебя жадные, ты спугнешь благодать, не входи". Женщины не входили в пистúк обутые; войдя, они говорили: Бисмиллоҳи раҳмони раҳим, дасти ман не, дасти Биби Фотима, Биби Зухро, кори ман не – кори Биби Фотима, Биби Зухро – "Во имя бога милостивого и милосердного, рука не моя, рука госпожи Фатимы и госпожи Зухры, дело не мое, дело госпожи Фатимы и госпожи Зухры".



На летовье часть мужчин ремонтировала крыши хижин и загончиков для ягнят, а часть – шли за дровами. После того как мужчины выгоняли скот, на лето́ приходили дети, а к вечеру – женщины, неся на головах сóғу и кувшины. При ношении тяжестей на голове они использовали сшитый из тряпок кружок – сáлла. Шли быстро, почти не останавливаясь для отдыха в дороге. На летовье женщины приводили в порядок свои дома, подметали. Собирали сухую ғýдан (зеленая полынь, растущая высоко в горах) для подстилки на пол, часть ее связывали в снопики, которые служили подушками. Посуду расставляли по местам, часть посуды (молочную) несли мыть к ручью и ставили под специально устроенный водопадик. Мыли и оставшиеся на зиму в летовье тоба – плоские камни, которыми закрывали сóғу. Из таких же камней делали плиты для раздел-ки теста.

Молодежь шла собирать сервúч (тадж. торон – таран) и возвращалась с огромными охапками. Все освободившиеся от работы люди садились есть. Ели стебель растения, обдирая с него кожицу.

Хозяйки дома в это время натягивали куйкан – веревки с петлями для привязывания скота по местам. Мальчишки выстругивали для них колышки. Ребятишки помладше шли осматри-вать свои игрушечные домики – катак, чинили игрушечные хле-ва для скота.

Дома – кóза на летовье располагались обычно в одном месте, по четыре-пять домов, один к другому впритык. Две-ри домов выходили на общую площадку, которая иногда имела вид дворика с нешироким входом с одной стороны. На нем держали иногда ночью телят и ягнят, обычно же это – площад-ка, на которой сидели днем. Иногда площадка делалась санти-метров на пятьдесят выше земли и тогда она называлась сýфа, на ней же устраивали и очаги – инкир (танур-среднеазиат. городов). Они делались из глины, смешанной с коровьим воло-сом, и представляли собой цилиндр в форме усеченного кону-са, две половины которого делались отдельно. Обычно очаг был большой, высотой до метра с лишним и с диаметром нижне-го края до метра. Его сажали в землю узким отверстием квер-

ху. В передней стороне у нижнего края имелась внемка. От нее делался проход – поддувало до края суфа. Топили обычно саркин – кизяком. На верх очага ставили котел и варили в нем пищу. Если пищу не варили, то котел все равно ставили, налив в него воды, так как иначе стенки очага недостаточно прогревались и хлеб печь было нельзя. Лепешки пекли, прилепляя к стенкам очага, для чего женщинам иногда приходилось почти совсем влезать в очаг, чтобы прилепить лепешки у нижнего края. Поэтому для печения хлеба из старых лоскутов, нашитых в несколько рядов, шили специальную рубашку длиной до колен. Тесто в форме круглой лепешки клали на рафида – круглую подушку из тряпок и при помощи ее прилепляли к стенке очага. Другой тип очага – воза. Это открытый очаг из трех больших плоских камней, поставленных "покоем" на ребро, который делался только на летовье и пастухами в горах. Передняя его часть была открыта. В нем также можно было печь лепешки.

Коза были сложены из камней без глины, причем пол находился сантиметров на тридцать ниже суфа. Дверной проем был сложен из очень больших камней, а стены – из более мелких. Крышу покрывали арчовыми бревнами, а сверху – травой и землей. Дверей не было. Такие дома, несмотря на всю примитивность постройки, стояли по двадцать–тридцать лет, если их не ломала снежная лавина или не сносил сель. Внутри дома у задней его стенки находилась небольшая приступочка – катак, на которую ставили молоко и масло. Над ней обычно вбивали в стенку колышки, на которые вешали мешки с сыром, сушеными травами и мукой. Пол был застлан травой, поверх которой положена кошма и пусттахта – коврики из бараньих шкур. В передней части стояла колыбель.

В Бидивском летовье в каждом доме помещалось обычно по две женщины с детьми. Поэтому один дом строили двое мужчин. Для ягнят и телят устраивали загончики – ронкатак, частью крытые на случай дождя. Овец держали под открытым небом, устраивая для них куйкан под стенками домов, чтобы коровы и быки, которых на ночь не привязывали, не помяли бы их в ночных драках. В тех местах, где много волков, мелкий скот



загоняли в загоны, около которых устраивали места для ночлега. Там спали по ночам юноши, карауля скот.

К моменту прихода скота с пастбищ, на летовье все было уже устроено. Первые приходили ягнята и телята, маленьких загоняли в загоны, а тех, что побольше – привязывали в куйкан ; девочки всегда при этом помогали. Потом приходили овцы, которых тоже привязывали и начинали доить. Доили сидя сзади, ставя кувшинчик или сору прямо на землю. Вымя смачивали молоком. Когда приходили коровы, все женщины спешили к ним, чтобы телята не успели высосать молоко. Сначала к корове подпускали теленка, давали ему пососать, а потом привязывали его веревкой к шее коровы так, что он стоял у нее под мордой[1]. Доили корову сидя на корточках сбоку, держа чагна между колен. Когда весь скот был подоен, молоко сливали в сору, смешивая овечье и коровье, и, закрыв сору плоскими камнями, ставили на ночь на крышу хижины. Мальчишки по ночам воровали сливки, беря понемножку из нескольких сору.

Женщины из–за экономии молока ели мало, больше всего в пищу употребляли майшин – пахтанье как в холодном и горячем (доведенном до кипения) виде, так и перевареное и отцеженное в мешке и называемое нимчӯш. В нимчӯш применивался дикорастущий лук – катк. Приготовленный из переваренного пахтанья сыр – курут летом старались не есть, сохраняя его на зиму[2]. Мальчишки воровали сыр, когда он сушился, собирали его в каком–нибудь потайном месте и затем обменивали на

---

1) Если у коровы родился мертвый теленок или он издыхал через некоторое время, кожу его набивали соломой и перед тем как положить это чучело перед коровой, посыпали солью. Чучело называлось васак (от васа – теленок).

2) Чтобы избежать соблазна, хорошо просохший сыр зашивали в мешки и уносили в селенье. Если мужчины там были ненадежные, то сыр хранился на летовье.

фрукты, привозимые фальгарцами. На летовье женщины, кроме заготовки молочных продуктов, занимались также сбором трав, как для ежедневного употребления в пищу, так и впрок. Травы высушивали, собирали в мешки и вешали в кладовой на стены. Женщины также собирали навоз, из которого лепили круглые кизячные лепешки - са́кия - са́ркин, служившие зимой топливом.

Если летовье было расположено далеко от селения, то большинство мужчин жили там и ходили в кишлак только в те дни, когда подходила очередь на воду для поливки полей, женщины же в селение не ходили совсем. Если летовье было недалеко, например, как в Бидиве, то мужчины большую часть времени проводили в селении и ходили на летовье только тогда, когда наступала очередь пасти скот или заготавливать дрова. Женщины также ходили в селение по очереди, чтобы печь хлеб и варить пищу. Обязательно пекли маленькие хлебцы (около 5 см в диаметре) для ребятишек и несли их на летовье. Уносили на летовье и испеченный хлеб. Женщины жили на летовье до тех пор, пока не были убраны поля. Если основное летовье было очень далеко, то на то время, когда жали траву и хлеба[I)], женщины спускались поближе, чтобы легче было кормить работающих на полях мужчин.

Когда поля были убраны, назначался день возвращения в селение. Он назывался хонвесо́н. Мужчины везли домашний скарб и несли котлы. Женщины несли масло. В кишлаке женщины готовили кушанье - атолаи сафедак. Те, у кого не было перетопленного масла, топили принесенное с летовья. На теневую сторону в родственные дома левобережья р. Ягноб посылались гонцы - мальчики, которые приводили оттуда гостей. Когда жители селения теневой стороны возвращались с летовья в кишлаки, они в свою очередь тоже приглашали бидивцев к себе. Хонтиро́н и хонвесо́н считались днями торжественными и

I) Траву начинали жать в конце июля, ячмень - в конце августа, пшеницу - в сентябре.



ставились наряду с земледельческими праздниками первого посева и окончания уборки хлеба.

## МОЛОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Летовье Кули- Ворсо́ут

Когда весной корове приходило время телиться, хозяйка часто заходила в хлев, следила за ней, и если замечала, что та долго не может отелиться, то, войдя в хлев, отрывала лоскуток от своей рубашки или платка и, завязав узелком, бросала под корову. Когда корова отелилась и вылизала теленка, его уносили в дом, чтобы обсушить. С семи перекрестков собирали по нескольку травинок, от одежды семи людей, подозреваемых в дурном глазе, отрывали тайно лоскуток, все это вместе с рутой клали на плоский камень и поджигали. Теленка клали перед коровой. Сначала три раза окуривали голову коровы, говоря: Бо нияти шифо, бисмиллоҳи раҳмони раҳим - "С намерением исцеления, во имя бога милостивого и милосердного". Потом три раза окуривали теленка и три раза вымя коровы. Отелившуюся корову три дня кормили атола - пойлом, сваренным из ячменной муки на воде. Приготовляясь доить корову в первый раз, на крышку кувшина, в который доят молоко, кроме обычных корней растения бу́тта или кусочка шерсти, клали зелененький листочек. Сначала подпускали теленка, чтобы он пососал все четыре соска, потом начинали доить. До трех доек молоко называлось фу́лла. Молозиво собирали, варили вместе с молоком и ели в холодном и горячем виде. Если корова телилась в первый раз, то вареное молозиво относили в мехмонхону и устраивали для мужчин худой. Обычно же хозяйка коровы разносила фу́лла по домам в маленьких кувшинчиках. Женщина, получившая фу́лла, выливала его в свою посуду, а в ту посуду, в которой оно было принесено, клала или хлеб, или соль, или кусок ваты. Если ягнились козы или овцы, фу́лла из их молока не раздавали.

Когда весной скот начинал телиться и ягниться, женщины договаривались относительно ширбо́ма. Объединялись всегда по две. Начинали с субботы вечером. Первой несла молоко та женщина, дом которой расположен выше по течению реки. Случаи мошенничества в ширбо́ма были очень редки. Если и случались, то пострадавшая приглашала нескольких женщин освидетельствовать молоко, и те, убедившись в том, что оно разбавлено, бранили провинившуюся, а иногда даже наказывали, стараясь ткнуть ей в ягодицы ее биркой, после чего эту бирку переламывали и выбрасывали.

Эти товарищества (ширбо́ма) действовали до осени, пока у коров не прекращалось молоко. Тогда шли на берег реки, мерили водой последний долг, который должен быть возвращен весной обязательно молоком же. Промерив долг, воду выливали обратно в реку. Бирки (их бывало по две, одна для вечернего молока, другая для утреннего)[I] переламывали и также бросали в реку, говоря: Бисмиллохи раҳмони раҳим! Тике сол бисьёр вот. Ман қаторе мардум хон весом, баракам тифарот – "Во имя бога милостивого и милосердного! Пусть [молока] на следующий год будет много. Пусть я вместе с другими людьми выйду на летовье, господь пусть окажет милость".

Если корова издыхала, то было принято прощать молочный долг. Если же не прощали, то ждали его до покупки новой коровы.

Когда несли молоко в первый раз, на крышу кувшина клали зеленый листок, чтобы молоко было всегда свежим – сабз, не прекращалось.

Пока молока много мерили кувшином, или по суставам указательного пальца, когда его становилось меньше – биркой-ченг. Если молоко носили в соҳу, то мерили по кук – швам на стенках сосуда.

Когда в первый раз приносили молоко, хозяйка дома угощала свою гостью и на дно ее кувшина насыпала муки. При кипячении первого молока ширбо́ма под котел клали несколько веточек руты.

При кипячении первого молока весной в огонь под котел тоже клали руту. Когда молоко заквашивали, то осторожно с одного края отодвигали пенку, наливали пахтанье, потом легонько постукивали по соҳу и говорили: Хишт, хишт! – „Кирпич, кирпич!", чтобы кислое молоко вышло густое.

Когда собирались в первый раз сбивать масло, то при наливании кислого молока в кувшин-маслобойку, называемую ту́ғла, говорили: Бисмиллохи раҳмони раҳим! Дасти ман не, дасти Биби Фотима, Биби Зуҳро. Хишт, хишт! Барака тифарот, барака тифарот! Кам тем ву и пора ву. Каллам пун вот – "Во имя бога милостивого и милосердного! Рука не моя, рука госпожи Фатимы и госпожи Зухры. Кирпич, кирпич! Пусть [господь] даст благодать, пусть [господь] даст благодать! Если и мало [кислого молока], пусть будет целый кусок, много [масла]. Пусть кувшин мой наполнится".

## СБИВАНИЕ МАСЛА

Сел. Кули-Боло

В селениях левобережья р. Ягноб масло сбивали в глиняной маслобойке – ту́ғла, которая представляла собой кувшинообразный сосуд с невысоким горлом обязательно такой ширины, чтобы в него могла пройти женская рука. Высота обычных ту́ғла колебалась от 50–60 см до 1 м. На передней части сосуда, приблизительно на половине его высоты, имелось отверстие – пизза́ и два выступа – чича́, один выступ выше отверстия, а другой несколько ниже и сбоку. Внутри сосуда на дне делали бугорок, который считали необходимым для того, чтобы масло хорошо сбивалось. При сбивании масла в ту́ғла отверстие пизза́ плотно закрывали. Затем в маслобойку ниже отверстия наливали кислое молоко, немного разбавленное водой. Горлышко ту́ғла закрывали шика́мпа – коровьим желудком, который обвязывали вокруг шерстя-

I) Вечерний удой – виёра ча́кка, утренний удой – фиро́нта ча́кка.

ной веревочкой – сарва́нка. Под маслобойку клалась специальная подушка из шерстяной материи, набитая травой – писо́р. Женщина садилась перед маслобойкой, повернув ее к себе боковым отверстием, бралась правой рукой за края пизза́, а левой – за выступ рядом с пизза́ и раскачивала маслобойку перед собой взад и вперед, наклоняя ее на подушку. О том, сбилось ли масло, узнавали, опуская через пизза́ небольшую палочку, и смотрели, пристали ли к ее концу кусочки масла. Если очень холодно, то молоко сбивалось в пену и тогда в маслобойку через пизза́ подливалась горячая вода. В жаркую погоду пизза́ не закрывали, а в нее вставляли ту́та – кусок сухого полого ствола растения суфи; в очень жаркую погоду в маслобойку бросали кусочки снега.

Для того чтобы масло хорошо сбивалось, в ту́ғла бросали семь камешков, взятых в среду из источников, а также вешали на горлышко маслобойки талисманы, взятые у муллы. Когда изготовляли ту́ғла, то для того, чтобы масло в ней хорошо сбивалось, мастерица, сделав нижнюю часть сосуда, брала кусок глины величиной с кулак и прикрепляла внутри ту́ғла на дно, вытягивая его в виде небольшого конуса. Затем звала женщин, которые по очереди ударяли в выступ указательным пальцем правой руки, смотря при этом обязательно на большую гору, и говорили: Хишт, хишт! – "Кирпич, кирпич!" (чтобы масло в будущей маслобойке выходило большое, как гора, и твердое, как кирпич).

Когда наливали кислое молоко в маслобойку, то говорили: Бисмиллоҳи раҳмони раҳим! Дасти ман не, дасти Биби Фотима, Биби Зӯҳро, Биби Ходичаю, Биби Кибриё. Хиништам катта вот! – "Во имя бога милостивого и милосердного! Рука не моя, рука госпожи Фатимы, госпожи Зухры, госпожи Хадичи и госпожи Кибриё. Пусть масло мое будет большое!".

Раскачивая ту́ғла первые три раза при сбивании масла, ударяли подошвой ноги по ее дну в тот момент, когда она ложится на подушку, и каждый раз произносили при этом: Хишт! – "Кирпич"!

Когда масло сбилось, мыли до локтей руки и вынимали его рукой, снова говоря: Бисмиллоҳи раҳмони раҳим! Дасти



ман не, дасти Биби Фотима, Биби Зӯҳро, Ходичаю Кибриё – "Во имя бога милостивого и милосердного! Рука не моя, рука госпожи Фатимы, госпожи Зухры, Хадичи и Кибриё."

Масло перетапливали утром в понедельник и пятницу.

Сбивая первое масло, в маслобойку бросали горсточку зеленых листочков. Первое масло не раздавали, съедали сами.

Бывало, что женщину, у которой хорошо сбивалось масло, звали в дом, когда начинали сбивать масло, и она раскачивала маслобойку первые два-три раза.

Женщины не разрешали мужчинам брать молочные продукты, так как морти дастш хушк – "у мужчин рука сухая", т.е. бесплодная, и от этого хшифте подай аунхое – "молоко уменьшается" (букв. – у молока сломалась нога). Если одна и та же женщина начинала брать муку из чо́ра – закрома, то она брала ее до конца года, одна и та же женщина, начав доить корову, доила ее до конца года.

При заквашивании молока говорили, ударяя по посуде рукой: Хишт, хишт, хишт! Каттам хиништа саной! – "Кирпич, кирпич, кирпич [сделай мне]! Выведи мне наверх большое [количество] масла!" Потом, разводя руки и показывая, какое большое количество масла она хотела бы иметь, говорила: Нахипете санот – "Вот такое пусть выйдет". Затем, сводя руки и показывая небольшой кусок, говорила: Ипетеш худой куном –"Вот такое количество его я отдам для жертвенного угощения".

Худой – жертвенное угощение относили в мехмонхону, когда заходил какой-нибудь каландар – бедный странник. Обычно странники, войдя в селение, садились где-нибудь на меже поля и мужчины, заметив их, приглашали в мехмонхону и там кормили их.

# ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ

## ОБРАБОТКА ШЕРСТИ

### Сел. Кули-Боло

Из овечьей шерсти ткали материю и валяли войлок. Козья шерсть с неотобранным пухом шла на плетение веревок. Отобранный козий пух использовался лишь на плетение поясов для штанов. Поэтому коз стригли не каждый год, а по мере нужды в хозяйстве. Овец стригли три раза в год: первый раз весной, когда они уже успевали попастись на свежей траве, второй - когда начинали жать ячмень (в середине августа) и третий раз осенью, перед тем как их загоняли в хлев, где они содержались до весны. Стригли мужчины. Перед стрижкой овец гнали к воде, мыли и уже мытых стригли. Весеннюю шерсть женщины мыли еще раз после стрижки. Шерсть разбирали по сортам и по цвету. Лучшая шла на основу - тор, худшая - на уто́к - пут. Пух от шерсти не отбирался.

Сначала шерсть раздергивали руками (такую шерсть называли канда́к), а потом разбивали палками - сава, представляющие собой тонкие хворостины с развилками, начинающимися приблизительно с середины. На пол, шерстью вниз, клали пӯста́хта - сшитые ковриком бараньи шкуры, на них шерсть. Женщины, сидя на земле перед нею, били шерсть палками, по очереди ударяя одной палкой, а другой придерживая шерсть, чтобы она не разлеталась. Перебитую таким образом шерсть женщины свивали в кудель, свертывая ее в пухлый клубок.

В зависимости от сорта шерсти ее пряли на прялке или на ручном веретене - чалак. Шерсть, предназначенную для веревок, пряли на веретене, а для сукна на чакманы и портянки - на прялке. Шерстяная пряжа для основы и утка материй делалась в две нитки. Нитки, предназначенные для основы, для крепости ссучивали на прялке, а для утка сматывали вдвое вручную в моток. Снование основы производилось на колышках, вбитых в стену дома. Ткали мужчины, в основном осенью, после уборки урожая. Часто станки устраивали не в доме, а в маленьких хижинах без дверей или под особыми навесиками. Станки эти хотя и имели педали, но устроены были крайне примитивно, и ткань на них получалась очень узкая - сантиметров 20. После того как материя соткана, кусок складывали пополам и, не разрезая его посредине, сшивали с одной кромки через край (шили женщины). После этого мужчины валяли ее на доске (снимали для этого одну створку двери дома или мечети)[1]. Материю мяли ногами, смачивая все время теплой водой. Потом ее растягивали на крышах и просушивали. Длина куска материи на чакман - халат 8-8,5 гязов, для ра́рза - штанов - 4-5 гязов. Всякая шерстяная материя называлась бидо́вин, после валянья - ра́рза и боро́нӣ.

Грубая овечья шерсть весенней стрижки отбиралась для войлока - на́мта. Войлок в Ягнобе валяли мужчины летом, в жаркое время, перед началом сенокоса. Специальных мастеров не было. Старики раскладывали шерсть на палас слоем до 10 см и обильно сбрызгивали водой. На один край паласа поверх шерсти клали дышло от плуга и все вместе закатывали, а затем заматывали сверху веревкой, которую завязывали узлом. Другой длинной веревкой обвертывали вокруг свертка два-три раза и двое молодых мужчин, взявшись за ее свободные концы, дергали с силой по очереди, каждый в свою сторону, валяя по крыше сверток с войлоком. Так его катали часа полтора. Затем веревки развязывали, раскатывали палас, сбрызгивали опять войлок водой и плотно закатывали его уже без паласа опять на дышло плуга. Затем 5-6 человек садились на колени вряд очень тесно друг к другу и катали сверток, надавливая на него сначала ладонями, а потом предплечьями обеих рук. Несколько раз войлок раскатывали и затем снова закатывали с другого конца. Один из стариков все время следил за краями, расправлял их. Прокатав войлок с бревном около часа,

---

I) В с. Куль в мечети толстая арчовая дверь была протерта до дыры. Дверь эта, по словам стариков, стоит уже лет шестьдесят. Лет двадцать тому назад она была еще без дыры.

бревно вынимали и еще столько же времени катали без него. После этого войлок клали на солнце на крыше для просушки.

Войлок, шерсть и шерстяные материи сохраняли от моли, прокладывая их веточками полыни.

## Плетение веревок и поясов (гашников)

Веревки из козьей шерсти плели мужчины. Женщины приготовляли для веревок пять прядей в несколько ниток каждая (в зависимости от желаемой толщины веревки). Плели двое мужчин. В конец сложенных прядей вделывали деревянный крючок - по́танг, и веревка, привязанная за этот крючок к столбу навеса, плелась в виде косы в пять прядей. Веревку в 5-6 метров длины сплетали за 30-40 минут.

Пояса для штанов - ра́рзава́нка плели женщины, плели, привязывая за столб. Для этого брали восемьдесят ниток. Делили их пополам и плели, пропуская крайнюю нитку до половины. Получалось косое плетение. Начинали плести с середины к концам, на концах делали кисточки.

## Выделка кож

Сел. Кули-Боло

В Ягнобе выделывали два сорта кож: хомак - для обуви и ремней и кулвор - для кожаных мешков, в которых хранили пищевые продукты. Для хомак шли шкуры коров и быков, а также горных козлов. Шкуру делили на куски - чорукӣ, достаточные для изготовления одной пары обуви. От бычьих шкур отделяли кожу с шеи, снимающуюся кольцом, шириной в одну четверть и четыре пальца - около 40 см. Куски разрезанной шкуры частью продавали, частью обрабатывали в хозяйстве. Чорукӣ стоил 24 кг ячменя, а шкура с шеи быка, идущая на изготовление длинного ремня - тасми́на ви́та,- до 40 кг ячменя.



Подлежащую выделке шкуру или куски ее клали в кувшины с разболтанной в воде ячменной мукой и небольшим количеством соли (на один чорукӣ горсть муки и 2 щепотки соли). В этом растворе их держали сорок суток, каждый день перевора́чивая. После этого вынимали, полоскали в воде, скоблили с обеих сторон ножом и вешали на 2 дня на колышек на стене в доме. Затем их мяли руками. Сильный мужчина разминал их за один день, чаще же на это тратилось два дня.

После этого куски кожи смазывали со стороны мездры коровьим маслом (на I чорукӣ уходило около 100 г масла) и после этого мяли еще часа четыре, и на этом выделка кончалась. Готовую кожу раскраивали на обувь или на ремни. Чорукӣ раскраивали на доске, приглашая мастера, которому за это ничего не давали; мастер разрезал и кожу на ремни, при этом левой рукой придерживал кожу, а правой резал ее по спирали. Стоявший напротив него человек держал кожу, натягивая ее двумя руками.

Из бараньих, козьих и телячьих шкур шили кожаные мешки - кулвор. Для этого шкуру разрезали по задним ногам от колена до колена и снимали перчаткой до шеи. Потом разрезали от шеи до пупка, загибали шкуру шеи и сшивали конвертиком. После этого смазывали ее со стороны мездры ош - тестом из муки, воды и соли и так она лежала неделю. Затем ее скоблили ножом и мяли несколько часов. Для удаления волос летом кожу или остригали ножницами, или клали без муки и соли на два-три дня, чтобы она протухла, и после этого выскабливали ножом. Зимой такую шкуру вывешивали на сутки на мороз, после чего вносили в дом и соскабливали шерсть.

Овечьи и козьи шкуры, из которых делали меховые подстилки - пӯстта́хта, тоже мазали со стороны мездры тестом из ячменной муки, соли и воды и держали неделю, после чего очищали мездру ножом. Если волосы шкур были грязные (в навозе), то шкуры мыли в проточной воде и просушивали на веревках, а затем сшивали. За выделку 8 шкур и шитье мастеру платили I рубль, раньше (в старину) давали 15 коп.

## ДОМАШНИЙ БЫТ

Среди ягнобцев, так же как и среди остального оседлого населения Средней Азии, уход человека из дома и отрыв от близких переживался раньше очень тяжело. Этим объясняется большое количество примет и поверий, связанных с уходом далеко от дома.

Мусофир - странник всегда вызывал к себе сочувствие, его старались приютить и накормить.

В Ягнобе счастливыми днями для выхода из дома в путь считались воскресенье, понедельник и четверг.

В первые три и в последние два дня месяца в путешествие не выходили. Это было связано с представлением о том, что в первые дни появления месяца и в те дни, когда луна на ущербе, - она "острая", эти дни считались "тяжелыми" и никакого дела в это время не начинали. Не выходили в путь также в течение всего месяца Сафара (второй месяц лунного года), считавшегося несчастливым.

Человеку, который отправлялся в путь за пределы долины Ягноба, на дорогу обязательно пекли небольшие, до 10 см в диаметре, сдобные хлебцы - синчóва. Количество их зависело от дальности места его путешествия: для идущего в Ура-Тюбе или Гиссар пекли 10 штук, для идущего в Самарканд - 20, в Бухару - 30.

Когда дорожные запасы укладывались в кулвор - кожаный мешок, один хлебец откладывался и путник должен был зашить его себе спереди за пояс, чтобы хлеб был у него всегда "перед ним". Один хлебец мать или жена прятала в доме, "чтобы ушедший скорее вернулся домой". Тот хлебец, который клался за пояс, путник должен был отдать первому встречному за пределами селения, а если ему никто не повстречается, должен был съесть сам в первый вечер. Когда человек выходил из дома, отправляясь в путешествие, в спину ему бросали горсточку муки, "чтобы путь его был белым".



Считалось, что нехорошо уходить из дома не выпив воды, если хотелось пить, так как от этого дому будет причинен вред. Некоторые делали это нарочно, по злобе. Если человек, выйдя из дома, заметил, что забыл что-нибудь, то он или должен был кричать, чтобы ему вынесли забытое, и стоять на месте, не делая ни шага назад, или, если он отошел от дома уже далеко, продолжать свой путь, иначе "ему не будет пути". Члены семьи, обнаружив забытую ушедшим вещь, прятали ее до его возвращения. Если проезжий, останавливаясь в доме, забывал какую-нибудь свою вещь, то это считалось знаком, что он снова приедет в это место. Когда человек уходил из дома, в течение суток не подметали полы, иначе он не вернется. Существовало много примет, по которым гадали о том, будет путешествие удачным или нет. Если человек, отправляясь в путешествие, встречал беременную женщину, то считалось, что путешествие будет удачным. Если он встречал женщину с ребенком на руках, то, если ребенок мальчик, - хорошо, если девочка - плохо. Встретить в дороге волка - очень хорошо, лисицу или дикого козла - плохо. Если при выезде из дома лошадь или осел уезжающего спотыкались, то лучше вернуться домой и ехать на другой день.

Если во время путешествия случалось, что где-нибудь в горах дорогу занесло снегом, то путники совершали тахорат - ритуальное омовение снегом и произносили азон - призыв к молитве, повторяя несколько раз.

Выезжая из дома, человек обычно говорил, на какой срок едет. При возвращении из долгого путешествия он должен был, войдя в дом, прочесть молитву, поминая умерших родственников. Мать и отец целовали его в лицо и затем прижимались головой к его ноге и целовали ее. Все родственники приходили к нему для зиёрат - приветствия; в мечети в ночь под воскресенье или под пятницу, в качестве жертвы духам предков, зажигали два пилúтта[1].

---

1) Пилúтта - лучинка, обмотанная ватой, намоченной в масле.

Если человек уходил из дома и пропадал без вести, то совершали обряд саргардон (обеспокоенный, растроенный), главным образом, в последнюю среду месяца Сафар. Иногда это делал мулла. Он писал заклинание и вешал его на дереве или высокой траве, а затем, крутя прялку в обратную сторону, читал молитву. Если через неделю после этого человек не приходил, или от него не получали вестей, его считали мертвым и устраивали худой - жертвенное поминальное угощение. Женщины рассказывали, что они сами устраивали саргардон: ночью в последнюю среду месяца Сафар, когда устраивали прыганье через костры, три-четыре женщины запирались в доме, стараясь сделать это так, чтобы об этом никто не знал. Делали куклу-мужчину - мортиа́к. Одежду для нее шили из кусков старой одежды пропавшего человека. Куклу, в противоположность обычной, делали особенно тщательно, с ногами, одетую в рубашку, штаны, пояс. На голову наматывали чалму, под которую засовывали пучок волос пропавшего человека[1]. Куклу клали в мешочек и вешали на колышек, вбитый в стену. Затем сажали перед прялкой девочку, не достигшую половой зрелости, и она должна была крутить прялку в обратную сторону вплоть до утренней зари, повторяя все время: Саргардон, зуд ввовот! Саргардон, зуд ввовот! - "Пусть забеспокоится [и] скорей придет, пусть забеспокоится [и] скорей придет!" Выбившись из сил, она повторяла эти слова про себя, а затем опять вслух. Считалось, что после этого пропавший человек должен был через некоторое время вернуться. Мать его или сестра, смотря по тому, кто совершал саргардон, по временам открывала мешочек и смотрела на куклу. От этого человек должен был скорее придти. Если человек возвращался, то куклу бросали в проточную воду ("чистое" место).

---

I) О куклах см.: П е щ е р е в а Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков.- Сб. МАЭ, ХУП, М.-Л., 1957, стр.46-57, рис. 9, II.



Мать же иногда сохраняла ее, говоря, что "она изображала ее сына, была вместо него". Если узнавали определенно, что человек этот умер, то куклу хоронили, омыв предварительно, как поступают с покойником, и завернув ее в саван. Делали маленький тобут - похоронные носилки, мужчины несли куклу на кладбище и хоронили с соблюдением всех обрядов, кроме чтения чаноза - заупокойной молитвы. Носилки оставляли на могиле куклы. После похорон куклы устраивали полагавшиеся поминальные угощения.

# С В А Д Ь Б А

Записи в селениях Куль,
Бидив, Пулля-Роут

В Ягнобе существовал обычай, по которому девочек выдавали замуж очень рано, иногда в 9-10 лет. В случае такого брака несколько лет молодая жила в доме мужа, не вступая с ним в фактический брак. Если муж ее уже взрослый, свекровь следила за ней, оберегая ее, спала около нее. Иногда молодая до достижения половой зрелости жила в доме своего отца. Старались выдать замуж раньше, чтобы, подрастая, девушка не совершила бы каких-нибудь легкомысленных поступков и чтобы о ней не пошла дурная молва, так как в таком случае килинг - калым понижался и даже иногда не платили совсем. Часто бывало, что разница между возрастом мужа и жены составляла год, два. Редко, но бывали случаи, когда муж был старше жены на 10-15 лет, и когда невеста была старше жениха на год, на два. За вдовцов постарше обычно девушек не выдавали, они женились чаще на вдовах,но молодые вдовцы женились и на девушках, за стариков молодых девушек не выдавали совсем.

Бывали случаи обручения в детстве, здесь этот обычай называли доманчок - "надрывание подола". Когда родители соглашались поженить своих детей (мальчику бывало при этом 2-3 года, девочке - год), мальчика приводили, накладывали подол его рубахи на подол рубахи девочки и надрывали. После этого родители мальчика дарили девочке аршин - два ситца на рубашку и каждый новый год дарили ей что-нибудь, смотря по достатку. На новый год и в праздник Рамазан девочке приносили по два кулча - сдобных хлебца. Когда девочка подрастала, родители жениха все же посылали, как обычно, к ее родителям сватов. Если обручали детей, когда они были совсем маленькими, то мальчика приносили в дом "невесты" и их по очереди клали в одну колыбель. Этот сговор назывался гаворабахш.



Подрастающая девочка-невеста становилась обычно предметом внимания и обсуждения не с точки зрения красоты или миловидности, а начинающих проявляться у нее задатков как будущей хозяйки, работницы. Эти качества ставились выше всего и при выборе невесты учитывались в первую очередь. Если девочка любила рукоделье, научилась шить, прясть, печь хлебы и делала это старательно и охотно, то ее сватали в своем селении, и она, обычно, там и оставалась, выйдя замуж за кого-нибудь из односельчан. Если же у нее не проявились задатки хорошей хозяйки, то в своем селении она не могла выйти замуж и ее тогда отдавали на "сторону", куда-нибудь в другое селение, иногда даже очень дальнее.

Браки заключались, как правило, между родственниками: двоюродными и троюродными братьями и сестрами, в пределах одного селения. Девушку замуж за чужого человека в дальнее селение старались не выдавать. Женщины, выданные далеко от дома, всегда считали себя мусофир - странницей, скиталицей. Левират существовал, но он не был обязателен. Сыновей женили по очереди, по старшинству, из дочерей же выдавали ту, которую сватали. Если дочь единственная, старались взять зятя в дом, а если был хоть один сын, то зятя в дом не брали, но старались выдать дочь поближе.

Запрещались браки между молочными братьями и сестрами - ширхура, как и браки на названных сестрах - хоҳархон. Додархон - названные братья, побратимы не могли жениться на жене умершего побратима, если он был старше их возрастом. Считалось, что нельзя жениться на женщине, если назвал ее апа - старшая сестра. Назвать так свою жену - равносильно разводу. Обычай побратимства был настолько значим, что даже в таких случаях, если мужчина, встретив на дороге в глухом месте женщину, захочет совершить над ней насилие, а она скажет ему: "Не трогай меня, ты мне брат до страшного суда", то какой бы дурной человек он ни был, он ее не тронет. Сводные сестры и братья от разных отцов и матерей могли вступать между собой в брак.

Если молодой человек хотел жениться на какой-нибудь девушке, то он обращался не к своим родителям, а говорил об этом своему приятелю или родственнице, которые сообщали его слова отцу, и тот уже засылал сватов.

Обычно сватов - хучгон засылали месяца за два до времени туев. Свадьбы в Ягнобе было принято справлять в основном осенью, после того как убран урожай и есть хлеб. Зимой не справляли свадьбы, так как очень холодно и много снега, а весной кончались продовольственные запасы и шли дожди. Шли сватать в "счастливые" дни - четверг, воскресенье и пятницу. Во вторник, среду и субботу не ходили совсем. В первый раз шли два старика. Принимая сватов в первый раз, их хлебом не угощали, а если отец не хотел отдавать свою дочь, то он отказывал им в угощении хлебом и при дальнейших визитах. Если он хотел отдать дочь, то говорил: "Потерпите, хлеб будет", но все же не угощал. Сваты шутя спрашивали, почему он их не угощает, а он отвечал, что нет хлеба в доме или что не время его есть.

Посидев некоторое время и поговорив о разных вещах, сваты говорили, обращаясь к хозяину: "Мы имеем к вам дело, не хотите ли взять такого-то в дети?" Если отец невесты намерен был принять предложение, он был любезен со сватами, и когда сваты говорили, что они еще придут, он соглашался. Если же он отказывал, то говорил: Них кашкуле рах васта, дубора на воут - "Нет, чашка закрыта (т.е. рот завязан), в другой раз не приходите".[I] Если те пытались продолжить разговор, он говорил: Минбаъд агар ввоу, бе обру куномишт - "Если придете после этого еще, я вас осрамлю". Сваты, боясь отказа, брали с собой специальный тӯмор (амулет) - тӯмори забонбандӣ (написанное заклинание, "связывающее язык" будущему тесть).

I) Выражение кашкуле рах васта - "у чашки рот завязан" в других случаях жизни не употребляется. Это специальное выражение для отказа у отца невесты. Женщины, объяснявшие мне смысл этого выражения, очень путались, а мужчины были несколько смущены и сказали, что это старые глупости.



Сваты ходили раза три, четыре, пока наконец отец жениха не ставил перед ними [в знак согласия] хлеб и не говорил, что посоветуется с родственниками. Сваты, предлагая жениха, говорили: Фалончае жутай рот тифар катет ба фарзандиш қабул кун - "Дай дорогу в твой дом сыну такого-то, прими его в дети". А тот отказывался под разными предлогами. Тогда сваты говорили: Че девар нуке кунтишт ручай нут тисомишт, агар калтаке пе тим дехтишт, тик носомишт, то хом на вовтишт - "Если ты вытолкнешь [нас] из дверей, мы войдем через ру́ча [отверстие в крыше для освещения]. Если ты и палкой нас побьешь, мы и то будем брать [т.е. просить девушку] до тех пор, пока не скажешь "да".

Затем они вставали, уходили и опять возвращались в дом жениха. Отец жениха спрашивал у старшего из сватов: Ту шер аввове, ё руба - "Ты пришел львом или лисицей?" [т.е. дали согласие или отказали], на что сваты передавали ему о полученном ими отказе или согласии.

Если же отец невесты был намерен согласиться, он угощал сватов и на их предложение отвечал, что должен сначала посоветоваться с родственниками, и назначал сватам день, когда они должны придти за ответом. Тем временем отец невесты, если девушка уже взрослая, после первого визита сватов говорил с дочерью или вместе с матерью наблюдал за ней. Если девушка не хотела выходить замуж за того человека, который прислал сватов, она отказывалась от еды, не делала домашней работы, уходила из дома, плакала. Если же соглашалась, то не меняла своего обычного поведения. Отец советовался с родственниками и без их согласия дочь не выдавал. До брака девушка должна была избегать будущего мужа и его родственников.

Иногда девушка отказывалась от всех женихов и добивалась того, что выходила замуж за кого хотела (наш главный информатор Мулло Нияз, например, ждал свою жену три года). В случае, если родители принуждали ее к браку, она могла сбежать со своим возлюбленным в горы, а потом, переночевав с ним две-три ночи, вела его к своим родным, и те уже давали свое согласие. Такая женитьба называлась зандузд - "похищение жены".

В назначенный день сваты (на этот раз три-четыре человека) приходили в дом отца невесты, туда же приходили и двое-трое его родственников. Отец невесты объявлял, что советовался с родственниками, и, показывая на дядю по матери или, если его нет, на дядю по отцу, говорил, что они дали свое согласие. Тогда старший из сватов спрашивал: Атафар, гапе мох хом вовишт? - "Ты отдал [девушку], ты говоришь "да" на наши слова?" Тот отвечал: Хом, атафарем - "Да, я отдал". После этого все воздевали руки и говорили хором: Омин, облоҳу акбар! - "Аминь, бог велик!" Затем им выносили хлеб. Один из присутствующих переламывал хлеб на куски, и все съедали по куску. Этот момент в свадьбе являлся решающим: если хлеб переломлен, то отказаться от свадьбы было уже неудобно и все дальнейшие недоразумения старались уладить, помня о том, что хлеб был переломлен. После того как хлеб был съеден, уговаривались о дне фотиҳа - "молитвы" - окончательного сговора, официального объявления дня свадьбы. В день фотиҳа как в доме невесты, так и в доме жениха собирались девушки, но на свадьбу они не ходили. Со стороны жениха в дом невесты шли сваты, отец жениха и еще три-четыре человека из старших в селении. Угощение в обоих домах на фотиҳа подавалось одинаковое. Оно состояло из курутóпа - сыра, разведенного в воде, доведенной до кипения. Поверх в чашки наливалось немного раскаленного масла и крошился хлеб. После угощения старший из сватов читал молитву: Нуборак [муборак] бод туе айом! Худо ба муроду мақсад расонад. Худо! Тани сиҳат хотири ҷамъ, диди беғам. Облоҳу акбар! - "Да будут благословенны дни туя! Пусть господь приведет до исполнения желания! Господи! Дай здоровое тело, спокойствие мыслей, сердце без горя. Бог велик!" Этой молитвой как бы объявлялся свадьба. После этого отец невесты предлагал говорить о вене - килинг, причем указывал на своего отца или дядю, который должен был назначить вено.

При определении размеров вена в основу брались качества невесты как хозяйки и работницы. Отец, видя хозяйственные задатки своей дочери и слыша лестное с этой точки зре-



ния мнение о ней окружающих, повышал размеры вена и доводил их до возможно высоких пределов. И, наоборот, если девушка оказывалась плохой хозяйкой, размеры вена уменьшались, а иногда оно даже совсем не бралось, и жених [точнее, его родители] давали за невесту только сару тан, т.е. обычный комплект костюма, состоящий из материи, из которой шьется платье, одной пары кожаных калош, 1-2 платков. К этому прибавлялось немного муки и несколько фунтов коровьего масла, что шло на скромное угощение при брачном обряде. Так женились, зная заведомо, что берут плохую работницу, только очень бедные люди, которые были не в состоянии уплатить высокое вено за более трудолюбивую и способную хозяйку. Свадьба - туй в таком случае тоже не праздновалась. Имел место только никоҳ. Считалось, что раз не было взято вено за невесту, то и свадебный пир не обязательно устраивать. О таком браке говорили: И кашкуле оп амон, никоҳ акун анос - "Поставил чашку с водой, совершил брачный обряд и взял [жену]".

Назначающий вено перечислял желаемое: Бист моле якка-чин, панҷ, солиқе кордӣ, и ман ҷав, и пуд биринҷ, шонздаҳ олчин чит, и чуфт каш - "Двадцать голов отборного скота, пять откормленных баранов, один ман ячменя, один пуд риса, шестнадцать аршин ситца, одна пара калош"[1]. При этом он добавлял, что ни в коем случае в счет голов скота не должны входить козы и ягнята и что количество скота не должно быть уменьшено ни на одну голову, так как тогда вено не бу-

---

1) Это вено среднего размера. Один гиссарский ман ячменя (в Ягнобе употреблялась эта мера) равняется десяти пудам. Шестнадцать аршин ситца распределялось на шитье одежды так: из шести аршин для невесты шилась рубашка, из шести аршин - халат, из четырех аршин - штаны. Очень редко материи давалось на две смены. Самые бедные иногда посылали только платок из белой кисеи, которым закрывали лицо невесты.

Двадцать голов отборного скота распределялись так: одна-две коровы, один бык, остальные - мелкий скот.

дет принято. Сторона жениха старалась убедить их согласиться на меньшие размеры вена, пока, наконец, обе стороны не приходили к какому-нибудь среднему количеству.

Стоимость всего данного в килинг подсчитывалась по таким ценам:

| | |
|---|---|
| I баран - 3 руб. | I связка дров - I0 коп. |
| I пуд муки - 60 коп. | I аршин ситца - 5 коп. |
| I пуд ячменя - 45 коп. | I пара калош - 30 коп. |
| I фунт масла - 25 коп. | I пуд соли - I0 коп. |
| I пуд риса - I руб. | |

При этом общая сумма выходила, конечно, небольшая, но зато и общая цифра являлась только видимостью и долг почти никогда не бывал уплачен.

Если бы жених дал больше, чем на сумму I35 руб. - 900 танга, это было бы килинг и шло бы в пользу отца, но фактически этого никогда не бывало и отец не получал ничего.

Оставшийся от туя скот находился у отца невесты, а также приплод от этого скота, шерсть и молоко, но считалось, что скот принадлежит дочери и она может всегда потребовать его обратно (фактически это случалось очень редко).

Калым подсчитывали перед обрядом бракосочетания - никох. Отец, брат или дядя по матери невесты обращались к дяде по матери или брату, или отцу жениха со словами: Килинга хисоб кун - "Подсчитай калым".

Тот перечислял вслух: "Вот я даю то-то и то-то..." Сидящие в комнате (но не родственники) определяли стоимость перечисляемого. Когда все вещи были определены, подсчитывалась общая сумма. Если она не достигала I35 руб., то сторона девушки спрашивала у стороны жениха: Ба гардант аносе? - "Ты взял на себя?" Те отвечали: Аносем - "Взяли" (т.е. согласны).

После того как вено было окончательно определено, уговаривались насчет срока и дня свадьбы, откладывая обычно ее дней на двадцать, на месяц для того, чтобы семья жениха приготовила к этому сроку вено. Свадьба обычно устраивалась в ночь под четверг, под пятницу и под понедельник.



Назначая день свадьбы, высчитывали дни, чтобы он не пришелся на другие дни недели или на один из дней тезин мох -"остроты месяца", которые считались несчастливыми. Дни эти - первые три, средние три (полнолуние) и последние три дня месяца. Свадьбу никогда не справляли в месяце Сафар. Особо отличался день праздника Курбана, если он приходился на пятницу. В этот день можно было снова жениться на своей зани сеталока[1] без предварительного ее брака и развода с другим мужчиной. При этом обряд бракосочетания следовало совершить утром, до праздничного намаза.

Готовясь к свадьбе, в доме жениха и в доме невесты делали ремонт и уборку. Отец или старший брат жениха отправлялись на базар за материей, рисом. Мололи муку из того количества зерна, которое было определено в вено. Женщины шили для невесты кулута[2] - шапочку на голову, стараясь сделать ее из шелковой ткани. Эту шапочку на нее надевали после свадьбы. В доме жениха приготовляли для невесты бусы, для постели - кошму, подушку и одеяло. Для будущих молодых в доме отводился угол (если нет отдельного помещения). Невеста, кроме своих личных вещей (бусы, куклы) никакого имущества в дом мужа не привозила, даже ее девичье платье оставалось в доме отца, а в дом мужа она являлась в платье из той материи, которую давала сторона жениха в вено.

За несколько дней до свадьбы по одному человеку от каждой стороны отправляли с приглашением на туй - туйхабаркуно в те кишлаки, которые были связаны с устроителями свадьбы совместным участием в семейных праздниках, похоронах и по-

---

I) Сеталок - развод, который муж дает жене, произнося это слово (букв. значение которого "трижды развод").

2) В сел. Куль девочки начинали носить кулута лет с шести-семи, когда они уже начинали считаться девушками на выданье, и носили ее до конца жизни, не меняя фасона, а меняя только материю. Помоложе носили яркие ситцевые шапочки с шелковым передом, а постарше - тиковые.

минках. С утра в день туя собирали по окрестным кишлакам, участвующим в празднестве, посуду. После туя владельцы посуды уносили ее с собой.

Рано утром в день свадьбы в селение жениха отправлялись килингхушкун – приемщики вена, обычно кто-нибудь из родственников невесты и двое стариков. Их там угощали, и всячески ухаживали за ними. Когда наступало время осматривать вено, они выходили на улицу, обязательно с палками в руках[1]. С ними рядом становились отец жениха и старики. Дядя жениха выгонял скот из хлева и гнал его мимо них. Один из аксакалов считал вслух скот. Это называлось почашумур – "пересчитывание ног". Этот момент обычно был неприятным, так как сторона жениха в счет тех восемнадцати или двадцати голов "отборного" скота, которые стояли в условии вена, выгоняла ягнят, коз и подуживых баранов[2], стараясь при этом выгнать на две-три головы меньше. В вене была одна корова или овца, считающаяся как хакки шир – "доля за молоко (матери)". Ее получала мать невесты. Принимающий вено, говорил, что он не возьмет этот скот и требовал недостающих баранов. Аксакалы уговаривали его, и это тянулось иногда несколько часов. Если дело уже очень затягивалось, то принимающему вено давали взятку (аршин 8 ситца или деньги), а аксакалам – румолй, т.е. кусочки ситца на платок или деньги, после чего дело обычно улаживалось, скот процускали. Затем осматривали муку и рис (количество их определялось на глаз). Часть муки и дров посылали в дом невесты рано утром для печения хлеба и бурсок. Материю обычно не осмат-

I) Обычно у горных таджиков, осматривающих калым, всегда имелись палки. Говорилось: Зада, зада мегирим – "Будем бить и возьмем".

2) Бывало, что для увеличения счета продавали двух-трех хороших баранов и покупали на эти деньги десять – двенадцать маленьких и худых и отдавали их в счет вена, стремясь единственно к тому, чтобы они дошли своими ногами до хлева в доме отца невесты.



ривали. Когда все было осмотрено, приемщиков вена угощали, обычно шурбо – мясным супом и они возвращались в свой кишлак. Пока шел прием вена, собравшиеся гости сидели в мехмонхонах и смотрели на танцы бачей[1]. Когда разговоры о вене подходили к концу и приближалось время отправки его в дом невесты, жених – шах (т.е. царь, князь, его так называли с утра свадебного дня до заключения брака) также начинал готовиться к выходу из дома. Он мылся, затем ему брили голову. Цирюльнику дарили за это платок. В это время его приятелей угощали халво. В кувшин с водой, которой жениху мочили голову при бритье, бросали 7 цветных крупных бусин. После бритья эти бусы разбирали присутствующие. Отцы брали для своих детей, чтобы они выросли и дожили до своей свадьбы. Юноши также брали себе бусины, чтобы тоже жениться, и вешали их на кисти ножей и кошельков. Жениха одевали его родственники. Тюбетейку надевали дружки – додари шах. Последние (их обычно двое, один женатый, а другой холостой), одевая жениха, пели: Шах нуборак бод! – Да будет благословен же-

I) В старое время в Ягнобе существовал обычай, согласно которому в Фальгаре нанимали бачей – мальчиков, которые на определенный срок становились собственностью одного или нескольких человек, если наем производился в складчину. Платили, в зависимости от красоты мальчика, от 300 до 500 танга. Говорили, что в старое время Фальгар поставлял бачей даже в Самарканд и Бухару. Обычно нанимавший бачу сам умел петь и играть на бубне. Его приглашали на туи, где он пел и играл, а бача танцевал. Все деньги, которые давали мальчику, забирал его хозяин. Когда кончался срок, то, если бача был хорош, контракт возобновлялся снова. Когда бача, пробывший в Ягнобе несколько лет, вырастал и у него появлялась борода, его отпускали домой и при этом дарили лошадь и одежду. На свадьбу бачу приглашала сторона жениха.

них!" Считалось, что если дружки оба женатые или холостые, то молодой сделается занмур, т.е. у него будут умирать жены. Жениха осыпали бурсок - жареными в масле кусочками сдобного теста. Когда жених был одет и "принимающие вено" ушли, отправляли вено, а за ним и жениха. Вено везли аксакалы. Впереди везли дрова, соль и муку, затем гнали скот, несли материи и калоши. В калоши, когда вено собиралось, клали бурсок. Когда поезд с вено подходил к селению невесты, молодежь встречала его на дороге, на аксакалов сыпали муку, а молодежи бросали в лицо золу. Привезенное вено не допускали в дом, иногда даже преграждали путь в кишлак. Тогда кто-нибудь старался, взяв в маленькие мешочки муки и риса, зайти со стороны в кишлак и бросить их в ру́ча - осветительное отверстие в крыше или стене дома. После этого считалось, что"вено вошло в дом". Когда вено подвозили к дому, его встречали родственники невесты и осыпали скот и материи бурсоками, ребятишки подбирали их с земли. Те, кто нес материи и калоши, входили в дом и высыпали бурсоки из калош перед женщинами, которые в это время в доме занимались приготовлением хлеба.

Жених выходил из своего дома сейчас же вслед за везущими вено. Его сопровождали, идя по бокам, дружки, гости и родственники . Родственники жениха пригоняли в подарок отцу жениха (в виде помощи для проведения свадьбы) скот, иногда взамен его давали деньги.

Женщины приносили бурсок и по одному хлебу кумоч, а также материи и отдавали все матери жениха. Во время пути все пели хором: Хар чи бод бод! Туй нуборак [муборак] бод, шах нуборак бод! - "Будь что будет! Пусть будет благословен туй, пусть будет благословен жених!"

Когда жених входил в селение невесты, его встречала толпа молодежи и не давала пройти к дому невесты, оттаскивая его назад. Жених на этот случай имел у себя за пазухой платок или кусок ситца. Бывало, что жених долго упрямился и не давал им выкупа и тогда его верхний халат разрывали в клочки. Если же он бросал выкуп, толпа его оставляла и начинала новую свалку из-за того, кому получить добычу. Когда



жених подходил к дому, ему под ноги расстилали пойандоз - кусок карбоса. Иногда богатые из тщеславия расстилали кусок адраса, но карбос считался лучше, так как он белый и, как все белое, должен принести счастье. Перед дверьми дома жениха и дружек осыпали бурсоками. Когда жених входил в дом, пойандоз поднимали с земли, резали на мелкие куски и разбирали "на счастье" присутствующие. Кусочки эти вшивались потом в одежду детей. Дружки вводили жениха в мехмонхону и сажали его, садясь сами по обе стороны его. Перед женихом ставилось угощение: чанголи́, курутóпа, бурсок, рулинг (сухие абрикосы).

Невеста в это время сидела у себя дома в ка́нна. Материи, принесенные женихом, сейчас же раскраивались (кроила богатая, имеющая много детей старуха) и тут же шили из них одежду невесты[1]. Шили очень быстро, так как шили только на одну сторону и при этом иглой вперед. Невеста должна была в это время плакать, так как если она не плакала, ее осуждали и иногда даже начинали сплетничать и подсмеиваться над ней. Когда одежда была готова, невесте мыли голову и плели волосы в обычную девичью прическу в четыре коса: две немного ниже висков и две сзади. В концы кос вплетали сафедй - "белизна" (кусочек белой кисеи - дока или скатанная в жгутики вата). После того как голова невесты была убрана, на невесту надевали новую одежду. Она при этом сопротивлялась, не давая одевать себя. Одевала невесту одна из ее родственниц, обязательно здоровая, веселая и имеющая много детей. Когда одежда была надета, на голову невесты накидывали шелковый платок или румоли гардин - красный тонкий хлопчатобумажный платок. Поверх этого платка на нее набрасывали большой платок из белой кисеи так, чтобы середина платка приходилась бы ей на темени и он свешивался бы, закрывая лицо и спину. Затем набрасывали еще один платок, свернутый пополам на угол, как обычно носят женщины. Надевающая платок

---

I) Раскраивание одежды называется буронак.

женщина говорила: Бисмиллоҳи раҳмони раҳим, нуборак ӯод! – "Во имя господа милостивого и милосердного, да будет благословен!" Когда невеста была одета, ее сажали в углу в ка́ина на одеяло или войлок. В это время присутствующие женщины пели и танцевали. Если было известно, что танцы будут без бубна, на свадьбу приходили и вдовы, если же танцевали под звуки бубна, вдовы не являлись. Мужская половина гостей развлекалась танцами бачи и козлодранием. Козлодрание бывало трех видов: верхом на лошадях, харха-шак – верхом на ослах и пиёдахамак – пешими. В старое время, когда были лошади, козлодрание устраивали больше на лошадях, теперь же козлодрание устраивали на ослах и пешком. С утра, пока еще туй не начался, скакали на ослах мальчишки лет пятнадцати – семнадцати, затем уже взрослая молодежь, и под конец – отцы семейств. Вся скачка на ослах носила комический характер. Ослы были без уздечек, и всадники погоняли их только при помощи небольшой, заостренной на конце палочки. Седла на ослах маленькие, плоские, без стремени; ослы, не привыкшие к таким скачкам, лягались, и всадники то и дело оказывались на земле. При скачке по косогору ослы застревали в ямах. Особенно было смешно, когда все мчались вниз под крутой уклон, здесь бывало так, что кто-нибудь из скакавших сзади парней, уже уцепившихся за козла, при внезапной остановке осла, не желающего скакать под гору, съезжал за козлом через голову осла и растягивался на земле. В стороне на разостланных на земле кошмах сидели старшие. Когда кто-нибудь довозил козла до них и бросал его на землю, все кричали: Ҳалол! – "Молодец!" Если хозяин туя был человек состоятельный, он давал отличившимся какие-нибудь подарки. Обычно это были или поясные платки или рӯмолӣ – деньги на платок. Козла трепали долго, пока не раздирали на куски. Когда кончали с одним козлом, то хозяин туя давал другого, или покупали в складчину и драли снова. Мясо этих козлов потом жарили и съедали.

Кроме козлодранья молодежь забавлялась борьбой – гӯштин. Победившие также получали награды в виде платков. Маль-



чишки-подростки отдельно играли в разные игры и устраивали пойга – бег взапуски на определенное расстояние. Так проходило время до вечера.

Вечером, перед совершением обряда никоҳ, в помещение, где сидела невеста, приходили два старика гуоҳ –"свидетели" для того, чтобы спросить у нее, кого она выбирает своим вакил – поверенным. Они входили и садились на край суфы в ка́на. Перед ними сейчас же ставили угощение. Они спрашивали у невесты имя поверенного. Невеста сидела, опустив голову, и ничего не отвечала. После долгих уговоров она чуть слышно называла имя поверенного. Обычно это был дядя по матери, старший или младший брат, или же дядя по отцу. Как только невеста называла его имя, свидетели сейчас же поднимались и шли в мехмонхону, где и объявляли имя поверенного. После этого для совершения обряда никоҳ все было готово. В чашку наливалась вода – оби никоҳ и ставилась перед муллой, читавшим молитву. Мулла спрашивал поверенного, дает ли он в жены девушку; тот отвечал, что он дал; после этого мулла читал молитву. Потом спрашивал жениха, берет ли он девушку в жены, и тот отвечал, что берет. Во время чтения молитвы и во время обращения к жениху, последний и его дружки стоят. После этого мулла отпивал воды и передавал чашку жениху, тот отпивал, затем отпивали дружки и еще несколько человек и чашка отсылалась на женскую половину.

Бывали случаи, когда никоҳ совершали заочно, если жених отсутствовал. Вместо него был его нож или пояс. Для совершения никоҳ мужчины рассаживались так, что между дружками лежал нож жениха, который обмакивали потом в оби никоҳ. Одну ночь нож лежал в постели молодой, потом его отсылали в дом жениха и вешали там на колышек на стене. Молодая жила в доме отца. После возвращения ее мужа устраивали туй, но уже без совершения обряда никоҳ.

Перед женихом и дружками ставилось кушанье чанголӣ из шаҳнон – "царского хлеба", т.е. очень большого и толстого хлеба, который пекли для этого случая специально.

Оби никоҳ передавали на женскую половину и давали невесте выпить глоток, после чего отпивали по глотку несколько женщин, а оставшуюся воду выливали в горячий очаг для того, чтобы жених и невеста аз унче гарм вот - "от этого стали бы горячими", т.е. любили бы друг друга горячо. После совершения никоҳ всем гостям, как мужчинам, так и женщинам, выносилось угощение, обычно шурбо. После угощения первыми поднимались родственники жениха, а за ними и сам жених. Жених с дружками из мехмонхоны шли в дом невесты. Невесту в это время прятали в мур - комнату, где помещается очаг.

Когда жених входил в дверь дома (он приходил, чтобы звать к нему домой шаҳнамóнча - женщину-родственницу невесты, которая сопровождала ее в дом мужа и там ночевала с ней две ночи), мать невесты осыпала его бурсоками. Его сажали в передний угол и перед ним ставили угощение - чанголӣ, курутóпа, бурсок, молоко с маслом. Поев угощения, он возвращался в мехмонхону и затем отправлялся домой со своими дружками и гостями. Жениха провожали пением до его кишлака: Шаҳ нуборак бод, шаҳ нуборак бод! - "Да будет благословен жених, да будет благословен жених!"

Когда жених уходил, начинали собирать в путь невесту. На нее накидывали еще один платок, а сверху чапон - халат. Когда она поднималась с места, ее осыпали сушеными абрикосами и бурсоками. Из дома невесту выводилиее отец и шаҳнамóнча, держа за руки. Когда выводили за дверь, ее снова обсыпали абрикосами и бурсоками и сторона жениха пела:

Бурор, бурориш хола.
Дикшуякта бурдум хола.
Хонарубакта бурдум хола.
Моли мардум хурдай.
Зудтар бурориш хола!

Выводи, выводи ее, тетка.
Мы увезли мокщую твой котел.
Мы увезли метущую твой дом.
Ты съела имущество людей (вено).
Скорей выводи ее, тетка!



Эту же песню пели и по дороге в дом жениха. Если невесту отвозили в дом жениха на лошади, то на лошадь в седло садился ее дядя по матери или брат, а ее сажали сзади него на круп лошади. Когда невеста очень молоденькая, то ее иногда несли на спине (дядя по матери или брат), и все провожали ее до конца кишлака. Если невеста шла пешком, ее также провожали до конца кишлака. В доме жениха в это время вешали чамолиқ - занавеску, сшитую из мелких кусочков материи (покупали в городе). Ее вешали родственницы жениха, обязательно имеющие детей. До прихода невесты занавеску поднимали.

Когда жених подходил к своему кишлаку, его также встречали пением: Шаҳ нуборак бод! - "Да будет благословен жених" и провожали в мехмонхону.

В это время мальчишки сидели и смотрели на дорогу, ждали, когда покажется поезд невесты. Тогда они бежали и сообщали об этом. Одна из женщин зажигала и выносила из дома жениха заранее приготовленный чироғ - светильник с двумя фитилями. Он выносился навстречу невесте независимо от того, темная ночь или светлая. Он олицетворял рӯшной - "свет". Если невеста ехала на лошади, одна из родственниц жениха выносила в решете несколько горстей ячменя и кормила им лошадь. На голову невесты в это время бросали горсть печенья - бурсоқ. После этого лошадь с невестой обводили вокруг небольшого костра, разложенного на улице. Если лошадь в свадебной церемонии не участвовала, огонь все же разводили. Навстречу невесте, чтобы снять ее с лошади, выходили отец и мать жениха. Но привезший ее родственник не давал снимать ее с лошади. Тогда отец жениха, обращаясь к нему, говорил: Моҳ шмоҳ пе қарздор, уртш - "Мы ваши должники, давайте ее". И передавал ему тюбетейку и платок или деньги. Но невеста все же не сходила с лошади. Тогда свекровь и свекр, обращаясь к ней, говорили: Сарҳаде боғ, домане боғ, ҳаммаш тау, хутанна тем тау, ворзат чумчат тем тау, молу ҳол тем атафарем, жутем тем

аживарем тау атафарем – "Верхний сад, нижний сад[I] – все твое, мельница тоже твоя, посуда [в доме] тоже твоя, скот и имущество тоже я тебе дал[а], сына тоже тебе вывел и дал [а]". После этого невеста соглашалась сойти и ее снимали с лошади и вели к дому. Пшаҳнамóнча шла впереди. Сестры жениха запирали дверь изнутри и кричали: Ниме маҳраш бахшот ке тисот – "Пусть подарит половину своего маҳр и потом входит". Пшаҳнамóнча отвечала: Абахшим – "Я подарила" и просовывала в щель двери деньги или кусок ситца, после этого двери открывали. Под ноги невесты свекровь в это время расстилал пойандоз. Когда невеста уже прошла по нему, его брала себе пшаҳнамóнча. Когда невеста вошла в дом (войдя, она старалась вступить в дом правой ногой, чтобы жизнь ее в доме мужа была мирная и удачная), в очаг бросали веточку руты и несколько чӯби чорраха – палочек с перекрестка дороги на тот случай, что среди гостей может быть человек с "дурным глазом". Невесту вели в угол и опускали за ней занавеску, но она не садилась. Тогда приходил отец жениха и говорил то же самое, что говорил, когда она не сходила с лошади. Пшаҳнамóнча давали румолӣ, и она садилась и сажала молодую в угол лицом к кибла – на запад. В руки молодой сейчас же давали маленького мальчика, чтобы сержута вот – "у нее было много сыновей". Пшаҳнамóнча садилась перед невестой за занавеской. Когда приходили женщины посмотреть на невесту, они заглядывали за занавеску. Пшаҳнамóнча поднималась и за ней поднималась и невеста. Пока пшаҳнамóнча стояла, стояла и невеста и не садилась на свое место, пока не сядет пшаҳнамóнча. Все родственники и родственницы жениха по одному подносили молодой подарки. Больше всех подарков давал жених и дружки, которые только для этого входили в помещение, где находилась невеста, и снова уходили, а из женщин – мать, тетки по матери и сестры жениха. Мужчины, подавая подарки, на невесту несмотрели. Когда все женщины посмотрели невесту, приготовляли горячее

I)Формула или заимствованная, или очень старая, так как в долине Ягноба, расположенной очень высоко, фруктовые деревья не растут и садов никаких нет.



молоко с маслом и звали молодого пить молоко. Он входил в дом и становился у дверей. Старшая его сестра или тетка по матери подавала ему чашку с молоком и говорила: Ширин ву, хшифте ранка бомаза ву, кан борин ву – "Будь сладким, будь вкусным, как молоко, будь как сахар". Молодой отпивал несколько глотков и отдавал чашку назад. После этого чашку несли молодой и, приглашая отпить глоток, желали ей то же самое, что и жениху. Невеста, сидя на месте, опускала в чашку с молоком палец и затем облизывала его. После этого молодой входил за занавеску, молодая вставала и кланялась ему. Он обходил невесту сзади, дойдя до правого ее плеча, гладил по голове и наступал ей при этом ногой на ногу. Это означало, что он будет ласков с ней, но она должна быть в подчинении у него. Женщины перед этим учили невесту, чтобы она изловчилась и сама наступила ему на ногу, тогда муж будет у нее в подчинении. Бойкие девушки постарше иногда это делали. У женщин была еще одна примета при этом – если рука у молодого хорошая, легкая, то у молодой после этого начинали хорошо расти волосы. Жених совал ей в руку какой-нибудь подарок – кольцо, серьги и уходил. По свадебным обрядам полагалось, что он должен провести первую ночь со своей женой на пятый день после свадьбы, но если невеста была уже взрослой, то он проводил с ней первые две ночи у него в доме, хотя при этом в фактическое сожительство с ней не вступал. Если он был намерен провести с ней ночь, он предупреждал своих родственников, тогда женщины, которые спали в этом помещении, уходили в другое или ложились в другой угол комнаты. Пшаҳнамóнча стелила свою постель ближе к постели молодой. Перед зарей молодой уходил, а пшаҳнамóнча вела молодую на берег реки, где невеста мыла лицо и руки. Лицо молодой при этом все время было закрыто тем белым платком, которым ее покрывали накануне. Когда они возвращались в дом, свекровь брала ее за руку и вела в пистúк, подводила к закрому с мукой и совала туда ее руку, потом вела к тому месту, где стоял кувшин с маслом, и опять совала ее руку в этот кувшин. Этим молодую делали своей в доме. Затем свекровь выводила ее из кладовой и снова сажала на ее место. Здесь ей и гостям пода-

вали угощение. После угощения приступали к рӯкушой – открыванию лица молодой. К этому времени собирались все женщины селения. Открывала лицо молодой старая женщина побогаче, с хорошим характером и обязательно имеющая много детей. Она брала большой хлеб – нони комочӣ, нони пшаҳнамо́нча, на него клала халво[1], разламывала хлеб на две половинки над головой невесты, произнося: Бисмиллоҳи раҳмони раҳим – "Во имя бога милостивого и милосердного", обоими кусками поднимала покрывало с лица невесты, потом клала хлеб перед женщинами. Обеими руками касалась лица невесты, проводила ими по своему лицу и затем целовала свои руки и говорила: Ритет миром, келинем! – "Да умру я перед тобой, моя невестка!" Женщины делили тот хлеб между собой так, чтобы всем досталось по маленькому кусочку. От этого кусочка съедали понемножку, а остальное несли домой и раздавали детям, чтобы они съели, выросли, женились или вышли бы замуж. После женщины, открывшей лицо молодой, ее целовала в обе щеки свекровь и говорила: Ё миромт, е келине, сатқат. Ё гулаки наураста хушбуй шудай. Аз буяки ту бачаи ман хушдол [хушдор] шудай – "Ах, умру я, невестка, жертвой за тебя. О цветочек, только что выросший, ты сделалась ароматной. От твоего аромата сын мой радуется".

Затем ее целовали сестры жениха и присутствующие женщины. Свекровь и сестры жениха клали перед молодой подарки: кулута, бусы, кольцо, платок; иногда свекровь дарила ей еще и рубашку. Другие родственницы жениха также дарили ей подарки. После того как все женщины поцеловали невесту, свекровь выносила из кладовой муку, суфра[2], квашню, масло и говорила: Келин, умша кун! – "Невестка, делай тесто", потом расстилала суфру, произнося обычные слова, с которыми расстилают ее для разделки теста: Бисмиллоҳи раҳмони раҳим! Дасти ман не, дасти Биби Фотима, Биби Зухро. Кори ман не, кори Биби Фотима, Биби Зуҳро. Дасти ман ҳалолзода, кур шават ҳаромзода! – "Во имя бога милостивого и милосердного! Рука не моя, рука госпожи Фотимы и госпожи Зухры. Дело не мое, дело госпожи Фотимы и госпожи Зухры. Руки мои – [руки] законнорожденной, пусть ослепнет незаконнорожденный!"

Молодая месила пресное тесто для сдобных хлебцев, называемых кулча. Свекровь лила в тесто масло, стараясь попасть на руки молодой. Келине дасте сода руғане нут вот – "Пусть руки невестки всегда будут в масле", т.е. "пусть она живет богато и сытно".

Молодая, замесив тесто, делала много мелких хлебцев. Свекровь потом пекла их[1]. При этом замечали: если хлеб выходил удачный, то это был хороший знак для жизни молодой в доме. Хлебцы раздавали всем гостям и соседям. Если оказывалось, что мелкие хлебцы оставались – это был хороший знак, означавший благополучие в доме. Если хлебцев не хватало, то скорее допекали еще, стараясь, чтобы никто не заметил, так как это считалось дурным признаком: молодая будет бедная и скупая.

В это время в дом жениха приходила мать невесты с ее родным или двоюродным братом. Матери молодого она приносила дастархон с хлебом, для невесты – кулча и одну катмол – слоеную лепешку. Здоровалась с молодой, целуя ее в лицо, брат тоже целовал ее. После того как мать молодой проходила в дом, начинали собирать пшаҳнамо́нча, которая уходила в этот день домой. Для нее пекли кумоч – очень большие и толстые хлебы (толщиной до 6 см, диаметром до 40 см). Тесто для них делалось на масле и молоке, и закваски в него клали меньше, чем в обычное. Кроме того, варили еду. Она ела и начинала собираться домой. Пшаҳнамо́нча прощалась с невестой, уговаривая

---

1) Халво приготовляла обычно сестра жениха или тетка по отцу, а если они не могли или их нет, то – мать жениха.

2) Суфра – скругленная выделанная овечья кожа, на которой раздельвают тесто, сеют муку и пр.



1) В других местах молодая сама пекла, но в Ягнобе хлеб всегда пекла старшая в доме.

ее не плакать. В это время в ее дастархон завертывали хлеб. После этого она уходила. Впереди шел молодой с дружками, они несли ее дастархон и гнали барана или козу, которых ей дарили за труды. Пшаҳнамо́нча шла сзади. В доме у нее молодого и его дружков угощали. Когда они уходили домой, им давали по одному хлебу кумоч, на которые клали чанголӣ, кроме этого давали по куску материи (приблизительно стоимостью в рубль).

Мать молодой ночевала эту ночь в доме зятя. На следующий день около полудня невесту собирали ехать с визитом в дом ее отца. Это называлось талабидан. Матери ее клали в дастархон два кумоч и соседки приносили по одной кулча. Отец молодого дарил ей барана, козу или ягненка, или давал взамен пять-шесть рублей. После этого отправлялись в дом отца невесты. Отец молодого не шел, шли свекровь, три родственницы, соседки и мужчины по одному из каждого дома. Мальчишки вели подаренную скотину. С ними шли и молодой с дружками. В доме отца невесты их принимали. Молодая сидела с ними вместе. Резали барана, варили суп (к вечеру). На другой день собирались соседки, пели, танцевали. Мужчины в этот раз не пели. Так проводили время до третьего дня. Бывало, что матери жениха и невесты укладывали молодых спать отдельно. На третий день в полдень устраивалось последнее угощение, готовили какую-нибудь обычную еду и затем чанголӣ, которое готовили соседи, отплачивая за полученные ими лепешки - кулчаи арус. После угощения все собирались домой. На этот раз из дома невесты шел только ее брат. Он нес дастархон с двумя кумоч. Когда все собирались уходить, отец невесты дарил по барану или козе молодой, молодому, свекрови и родственникам жениха. Брат молодой провожал ее до дома мужа, там ему заворачивали в дастархон два кумоч, и он уходил домой.

Ночью молодой приходил к жене официально в первый раз. Если девушка была в годах, свекровь давала ей вечером кусок белой материи и на утро показывала ее соседкам в доказательство невинности невесты. Девушку, потерявшую невинность до брака, называли бива - вдова. Бывали случаи, когда ловкая "вдова" улучала момент и, надрезав ухо ослу, мазала его



кровью материю, которую ей давала свекровь. Иногда мать знала секрет своей дочери и старалась как-нибудь ей помочь. Отец обычно не знал, эти секреты хранили женщины, скрывая их от мужчин. Покрывали друг друга в любовных приключениях. Старались не осуждать друг друга. Говорили, что нехорошо смеяться даже над кошкой в брачный период, так как это может случиться со всякой.

Через несколько дней после свадьбы мать невесты шла в гости в дом зятя. Ее принимали с почетом, и когда она уходила, молодой дарил ей овцу или козу.

После свадьбы молодая еще дней пять-шесть сидела за занавеской, после чего занавеска снималась. Чаще же занавеска висела, но молодая за ней почти не сидела.

В продолжение двадцати дней или одного месяца молодая в доме мужа не работала. Если свекровь заставляла работать ее раньше этого срока, ее осуждали, так как считалось, что молодая после свадьбы должна некоторое время пожить беззаботно. Молодую женщину до первой беременности называли кинғола.

Через месяц устраивался второй талабидан - приглашение молодой в родительский дом вместе с родственниками мужа. После этого посещения волосы молодой переплетались на две косы.

# БЕРЕМЕННОСТЬ И РОДЫ

Сел. Кули-Боло

При первых менструациях свекровь давала невестке халво, так как эта пища считалась горячительной и невестка от этого должна была скорее забеременеть[1]. При ранних браках первая беременность наступала в 13-14 лет. Рожали женщины до 35-40 лет. В 37-38 лет обычно у них прекращались менструации. В среднем женщины рожали по 7-8 детей, больше половины которых умирали. Дети чаще умирали в возрасте от двух-трех и до семи лет.

Если после замужества проходило несколько лет и не появлялись дети, женщины начинали прибегать к разным средствам, чтобы забеременеть.

Когда долго не родились дети, то объясняли тем, что у женщины ребенок прилип внутри от того, что ее испугала Ол[2]. Считали, что это обычно случалось на четвертом или пятом месяце беременности. Женщина все время говорила, что она беременна, но проходил год, полтора, два, а ребенок все не родился. Тогда она, обычно по совету старших, отправлялась к бабке-повитухе. Та клала ее на спину и массажировала живот, сильно надавливая на него деревянной ложкой, затем массировала его круговыми движениями, вызывая кровотечение. Считалось, что при этом "прилипший ребенок" выходил и она могла забеременеть снова.

---

1) Менструирующая женщина считалась нечистой. В это время она должна избегать сношения с мужем, а в хозяйстве не касаться теста и по возможности не входить в кладовую. Ей запрещалось также подходить близко к тому месту, где обжигают посуду.

2) Об Ол см.: А н д р е е в М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Амударьи), вып.I.-"Труды АН Тадж. ССР", т.7, Сталинабад, 1953, стр.78-82.



Беременность определяли через двадцать дней после срока менструаций. Женщина, рожавшая несколько раз, узнавала у себя сорокадневную беременность, ложась на спину и прощупав сверху живот. Обычно признаками наступившей беременности считались причуды в еде, появлявшиеся у женщины: женщина не могла есть домашнего хлеба и выменивала его у соседей на их хлеб или ела много острого, лука, перца, или говорила домашним, что ей хочется мяса. Внезапная рвота и сонливость тоже считались признаком беременности. Пол ребенка женщины определяли, прощупывая живот в начале беременности. Говорили, что девочка в это время круглая, а мальчик длинненький. При каждой беременности замечали, на какую пищу их тянет, и при следующей беременности определяли пол будущего ребенка, говоря, что, когда она была беременна сыном, ела то-то и то-то, и теперь она ест ту же пищу, и поэтому у нее, вероятно, родится сын. При беременности в несколько месяцев старались угадать пол будущего ребенка по форме живота: считали, что если живот очень высокий, то должна родиться девочка, если живот круглый - мальчик. Когда ребенок начинал шевелиться, то по характеру его движений также угадывали пол ребенка: мальчик будто бы двигается мягко, а девочка - резкими толчками.

До половины беременности женщины выполняли любую работу, а потом тяжелой работы по возможности не делали, но вообще работали до последнего дня беременности. Считалось, что если женщина не будет работать и мало двигаться, роды будут проходить тяжело.

Особых запретов относительно пищи, которую ест беременная женщина, за исключением конского мяса, не было. Что касается конины, то муж и жена должны были есть ее обязательно вместе, так как если кто-нибудь один из них поест пищу с кониной, то беременность затянется до года. С прихотями беременной женщины в еде считались и старались их выполнять, так как думали, что иначе зомун мешат одам - "человек (т.е. беременная женщина) зачахнет".

Как сама беременная, так и близкие к ней женщины принимали все меры предосторожности, чтобы Ол не повредила ей и ребенку. Она не носила ничего тяжелого, так как Ол могла воспользоваться этим моментом и испугать беременную, отчего та или выкидывала или рожала болезненного, хилого ребенка. Если выкидыш происходил, когда женщина испытывала сильное потрясение, то причиной этого тоже считали вмешательство Ол. Обычно женщины вспоминали при этом, что перед выкидышем они видели во сне, как грудь ее сосал или желтый ребенок, или желтая собака. Беременная женщина не оставалась ночью одна в доме, не садилась в доме на то место, где когда-нибудь обмывали покойника, так как думали, что от этого у нее может что-нибудь заболеть. Она не ходила по улице одна в темноте и в особенности к воде, так как верили, что около воды по ночам бродит Ол. Если женщина искупалась и ей показалось, что ребенок перестал шевелиться, то принимали все меры, чтобы предотвратить выкидыш. Когда это случалось в начале беременности, она шла к мулле и брала 3 и 7 таштов (молитв - заклинаний). Если она брала 3 таштов, то на утренней заре, а если 7 - то по вечерам она смывала с бумажки написанную молитву в чашку с водой и выпивала эту воду, а бумажку бросала в проточную воду или в огонь - "в чистое место". При беременности в несколько месяцев также брали у муллы таштов и, зашив его в лоскуток материи, делали тӯмор - амулет, который привязывали на веревочке вокруг талии так, чтобы тӯмор лежал на животе, и носили его до наступления родов.

Беременная женщина должна была помнить, что ей нельзя бить или как-нибудь иначе обижать собак, это грех, потому что собака охраняет человека от злых духов. Нельзя ей также было переступать через палки, так как этим она могла обидеть Чупон-Ато - покровителя скотоводов, который, как пастух, всегда ходил с посохом.

Считалось, что беременная женщина обладает благодатью - ей хорошо ходить в пистáк - кладовую, так как она борнок - с тяжестью. От этого запасы в кладовой долго не будут



уменьшаться. Беременную женщину хорошо встретить, когда человек отправляется в путешествие или выходит из дому, предпринимая какое-нибудь новое дело (в путешествии и в деле от этой встречи будет удача).

При приближении срока родов беременные женщины приготавливали пучки руты - хазор испанд и собирали палочки с чорраха - дорожных перекрестков. Тело и голову не мыли, но удаляли волосы под мышками и в других местах.

При первых схватках женщина сама или кто-нибудь из домашних отрывал от платья всех входящих в дом женщин лоскутки, которые потом сжигали. Пеленки для ребенка приготавливали из старой одежды. Если дети у роженицы раньше умирали, то пеленки просили у многодетной и богатой женщины. Стирали их только после того, как ребенок их замочит. Боясь затяжных родов, женщина заранее брала у муллы охранную молитву и во время родов ей давали пить воду, в которую смывали с бумажки эту молитву.

При родах обычно помогали две момо - старухи. Повивальных бабок не было, а детей принимали старые, много рожавшие женщины, дети которых были живы. Если женщина рожала в первый раз и ее мать жила в этом же селении или поблизости от него, то ей давали знать и тогда на помощь звали только одну момо. Старались, чтобы по возможности меньше людей знало о наступивших родах, так как существовало поверье, что от этого роды проходят легче. Говорили, что много рожавшие женщины иногда прятались и рожали в одиночестве. Обычно же, послав за момо, удаляли из дома всех. Момо старались войти вместе, и если роженица в этот момент сидела, они сразу поднимали ее на ноги, поддерживая под мышки, и произносили: Ах лашкар аве, хадаха кун - "Вставай, появился враг, спеши". Считалось, что если она при этом испугается, роды пройдут скорее. Никому больше в дом входить не позволяли. Перед родами женщина просила прощения у своих домашних и соседок и прощалась с ними, иначе роды были бы очень тяжелыми[1]. Ей

I) Если при трудных родах муж находился в отсутствии, то к нему, случалось, посылали человека с просьбой от женщины простить ей ее грехи.

расплетали концы кос, снимали с нее бусы, кольца, серьги, развязывали кима́рча – завязки на груди рубахи. В доме развязывали все мешки, узлы, снимали крышки с кувшинов, открывали замки. Все предметы, висящие на стенах, спускали на пол. Если на женщине был тӯмор – амулет (завязанный вокруг талии), то в начале схваток она сама или одна из бабок развязывала его, шла к воде, смывала с бумаги написанное заклинание и пускала бумажку по воде. Думали, что если не смыть и не бросить в воду амулет, женщина или не сможет родить, или будет очень долго мучиться. Зимой, в холода, роженицу сажали в мур, в теплое время года – в ка́нна (во время пребывания на летовье родили там). В стену над головой роженицы втыкали два пилитта и зажигали их, когда начинались сильные схватки: рӯшнӣ – свет должен был хорошо повлиять на роженицу. При этом одна из бабок окуривала роженицу дымом чӯби чорраха – палочек, собранных на дороге, и лоскутков, оторванных от одежды входивших в дом перед родами женщин. Во время родов роженица сидела на земле в углу комнаты, под нее ничего не подкладывали. Она сидела расставив ноги, подняв колени к лицу, опираясь о них руками. Одна бабка сидела перед ней, другая – сзади. Во время родовых схваток сидящая перед роженицей бабка давила ей руками на колени, а сидящая сзади – на бока, чтобы она не поднималась. Считалось, что если роженица будет подниматься, "ребенок может уйти назад". В перерыве между схватками обе старухи брали роженицу под мышки и поднимали ее на ноги для того, чтобы "ребенок встал прямо". Когда начинались схватки, роженицу снова сажали. Каждый раз как начинались схватки, обе бабки громко говорили: Худоё! Хучак Бустон, Хучаи Гулистон, даст ност, осон кунт. Биби Фотима, Зухро даст ност, осон кунт. – "О, господи! Ходжа Бустон, Ходжа Гулистон, возьмите руку, облегчите! Госпожа Фотима, Зухро, возьмите руку, облегчите!" В большинстве случаев роды проходили очень легко и быстро, причем считалось, что родить мальчика легче, чем девочку.

В тех случаях, когда роженица долго не могла родить, бабки клали ее на спину, без подушки, потом брали за ноги



и встряхивали, после чего снова сажали. Если роды не наступали, они клали роженицу на одеяло и, взявшись за него с двух сторон, катали ее по одеялу с боку на бок, поднимая по очереди то одну, то другую сторону одеяла. В случае очень тяжелых родов призывали мужа, он садился сзади и поддерживал роженицу. Применялось и такое средство: мужу давали посуду с водой, в которой он должен был вымыть руки и ноги, и воду эту давали пить роженице.

При тяжелых родах одна из бабок или муж или к сӯфӣ – служителю мечети и просили его раскрыть двери мечети настежь, так как думали, что это также могло помочь скорейшему появлению ребенка на свет. С этой же целью при начале родов около роженицы ставили большую деревянную чашку с мукой, поверх муки клали яйцо. Одна из бабок брала яйцо и опускала его за ворот рубашки роженицы, яйцо проскальзывало вниз по животу и, падая на землю, разбивалось. Считалось, что после этого она должна скоро родить. Разбитое яйцо клали снова в муку. Чашка с мукой и яйцом стояла в доме еще три дня после родов, и потом муку и яйцо отдавали бедным людям.

При появлении ребенка бабка принимала его в руки, а другая в эту минуту протягивала роженице бритву, и та сама перерезала пуповину. Если ребенок не подавал признаков жизни, бабка сбрызгивала ему лицо холодной водой и шлепала по ягодицам. Если роженица была очень молода или ей в этот момент делалось дурно, пуповину перерезала бабка. Роженица всегда старалась перерезать пуповину сама, так как считалось "грехом" передавать это дело бабке и отблагодарить за это ее было очень трудно – нужно было потом насыпать в подол рубашки столько зерна или муки, чтобы рубашка разорвалась на плечах от тяжести. Бывало так, что роженица до последней минуты занималась домашними делами, и если роды наступали быстро, то приходилось для перерезания пуповины брать первый попавшийся острый предмет: топор, тешу, нож, даже камень. В таких случаях ребенку, пуповина которого была перерезана одним из этих предметов, давали имя Сангак – камешек, Табар – топор, Теша – топорик, и т.д. Пуповину перерезали на расстоянии

двадцати сантиметров от тела. Когда она была перерезана, бабка отрывала у матери завязки от ворота рубашки – кимáрча и перевязывала ими пуповину в двух местах: приблизительно на расстоянии шести и двенадцати сантиметров от тела ребенка. Ничем другим пуповину не перевязывали. Считалось, что от этого она скорее заживет. В это время одна бабка клала ребенка на пеленку, брала кусок старой ваты, делала в середине дырочку и пропускала через нее пуповину, клала вату на животик ребенка. Потом прибинтовывала пуповину к животу длинным лоскутом материи и после этого завертывала ребенка. Для этого расстилали большую пеленку – киртпечак, на нее клали ребенка, завертывали сначала правую ручку и левую ножку, потом левую ручку и правую ножку, потом под ягодицы клали кунтакӣ – небольшую тряпочку, выпрямляли ноги, завертывали их и затем сверху обматывали длинным узким куском материи – попечак. Другая бабка в это время стелила роженице постель (заранее никогда не приготовляли), укладывала ее и окуривала рутой.

Запеленав младенца – лӯлак, бабка говорила: Ман хубием хамайаш тау – "Весь мой сон – тебе" и клала ребенка матери на руки. Когда выходил послед – хамрохак, одна из бабок шла на двор и бросала его на землю. Обычно его съедала собака и это считалось хорошим знаком: у женщины будет также много детей, как у собаки щенков. Если ребенок родился "чистым", то его мыли на третий день, при этом под пуповину подкладывали новый кусок ваты, если же ребенок был "грязный", то его мыли сразу после рождения. Воду грели в котле, и под него бросали веточку руты. Ребенка мыли в корыте теплой водой, в воду при этом ничего не клали. Одна бабка мыла его, другая поливала. Та, которая мыла, при этом говорила: Бисмиллохи рахмони рахим! Об сар поён бача сар боло. Об лоғар бача фарбе. – "Во имя бога милостивого и милосердного. Вода вниз – ребенок вверх. Вода худая – ребенок толстый".



Вымыв ребенка, бабка большим и указательным пальцами "выправляла" носик ребенка, "чтобы он не был плоским", и большим пальцем приподнимала ему три раза нёбо[1].

Бабка расправляла руками головку, чтобы она была круглая, и бинтовала ее вокруг лба и затылка. На третий день эту повязку снимали и подвязывали ее под подбородок, чтобы не торчали уши. Только что родившегося ребенка бабки рассматривали, замечали его приметы и отмечали все обстоятельства, при которых он родился. Если ребенок родился в сорочке, то это считалось дурным признаком – ребенок будет несчастным. Объяснялось это тем, что мать в начале беременности ела много острого (лука, перца). Сорочку выкидывали собакам. Если ребенок, появляясь на свет, очень громко кричал – это считалось дурным признаком: куме сар вхорче – "съест чью-нибудь голову", т.е. будет дурной, злой. Когда бабка его принимала на руки и он хватал ручкой подол матери, тоже считалось, что он "съест чью-нибудь голову". В случае рождения ребенка с зубом во рту, предполагалось, что он будет бешаугун – несчастный. Это была самая дурная примета – в семье вскоре кто-нибудь умрет. Если ребенок родился с большой головой и большими ушами, то он будет богатым. Длинные и густые волосы у новорожденного также были признаком богатства. Родимые пятна (нор – красное, хол – родинка) обозначали счастье.

Если на лице ребенка было родимое пятно, то говорили, что мать видела лунное затмение; считали, что шестипалый ребенок – наша будет плохим человеком, но зато если он переходил через воду, то шел дождь. Муттá – ребенок с недоразвитыми пальцами будет богатым, так как бог должен вознаградить за убожество. Если ребенок, появившись на свет, долго не кричит – это хороший признак – будет хорошим человеком.

После того как ребенка запеленали и у роженицы вышел послед, бабки стирали тряпки, которые были подложены под ро-

---

I) Выправление носа и поднимание нёба производилось несколько раз в течение первых сорока дней жизни ребенка.

женицу, и после этого мыли руки и совершали полное ритуальное омовение – ғусл, чтобы очиститься от прикосновения к роженице, которая считалась нечистой до сорока дней после родов[I]. На третий и двадцатый день роженица мылась, но не совсем, а на сороковой день она совершала полное омовение и тогда делалась "чистой" и приступала ко всем своим обычным занятиям. Роженица лежала в постели от семи до пятнадцати дней. Ей советовали лежать больше на боку. До того момента пока она не встанет, она не пила сырой воды, не ела кислого молока, пахтанья и кушаний, заправленных сыром, так как это все "холодные" кушанья. Ей давали лаконак – кисель из пшеничной муки, халво – мучной кисель, атолаи сафедак – мучную похлебку, ширбириҷ – рисовую кашу на молоке, ялама – рисовую жидкую кашу и ҷанголӣ – горячие хлебные лепешки, растертые с коровьим маслом.

Часов через двенадцать после рождения ребенка кормили в первый раз. До трех дней ему груди не давали, а кормили его с пальца прошлогодним топленым коровьим маслом (прошлогоднее считалось "горячим").

Если ребенок родился хилый, то масло, которым его собирались кормить, несли к мулле. Тот читал над маслом молитву и дам вединт куф-суф кунче – громко выдыхал на него из себя воздух со звуками куф-суф. Чашку с маслом несли домой, прикрывая ее рукой или тряпочкой, чтобы дыхание не вышло. Молоко матери сцеживали три дня и выливали в проточную воду, так как считалось, что если оно попадет в нечистое место, у роженицы пропадет молоко. Болезненные женщины, которых считали зиёндор, т.е. находящимися под влиянием злых духов, начинали кормить ребенка после семи дней, а до этого его кормила какая-нибудь из родственниц или приятельниц матери.

Как только ребенок родился, сейчас же посылали вестников – севанчигир к отцу, к деду и бабушке (родителям роженицы), если бабушка сама не присутствовала и не помогала при

I) Для совершения этого омовения им обязательно дарят по куску мыла.



родах. Вестники, обычно мальчики, старались бежать быстро, чтобы скорее сообщить радостную весть и получить за это севанчӣ – подарок. Подбежав к отцу новорожденного, мальчик брал подол рубахи в руки и говорил: Севанчим тефарт катеинт мехмони нав аве – "Дайте мне подарок, у вас в доме новый гость". Тот спрашивал: кӯта ё райк – "Сын или дочь?" Мальчик иногда обманывал отца или деда, сказав при рождении дочери, что родился сын, чтобы получить большее вознаграждение. В зависимости от достатка и других обстоятельств, вестникам давали халат, ягненка, козленка, кусок материи и т.д.

Все, узнавшие о рождении ребенка, при встрече поздравляли отца, говоря: мехмони нав муборак – "да [будет] благословен новый гость". Отец смотрел ребенка на седьмой день после рождения, целовал его.

В дом роженицы собирались все женщины кишлака, они поздравляли ее и членов семьи. Обращаясь к свекрови, говорили: муборак вот – "да будет благословен", а та отвечала: куллук вот – "да будет благодарность [и вам]". Им подавали хлеб, они недолго сидели и уходили. Роженице, как только закончились роды, сейчас же делали лаконак или халво. На другой день снова собирались все женщины, каждая приносила по две кулча и по чашке топленого масла. Мать роженицы приносила четыре кумоч и большую чашку масла. Из кулча делали ҷанголӣ, кумоч ломали на мелкие кусочки и угощали всех собравшихся. Они съедали по маленькому кусочку, а остальное уносили домой и раздавали членам своей семьи.

Женщины, у которых дети умирали, не должны были приходить к роженице до девятого дня, а тем более брать новорожденного на руки. Старались(до сорока дней)не подпускать к ребенку женщину дурного поведения, так как она могла повредить ему. Считалось, что такая женщина приносит несчастье всем окружающим: дохнет скот, портится масло, не держится мука. Вообще в течение сорока дней ребенка и роженицу всячески охраняли. Сорок ночей в комнате, где они спали, зажигали чирог и обязательно вокруг них спали женщины. Муж спал тут же в сторонке.

Первую ночь женщины, окружавшие роженицу, не спали совсем. До сорока дней под порог двери клали большой нож и кусочек имбиря, чтобы Ол не ходила через двери (в Гиссаре женщины дежурили все сорок ночей). Особенно опасны были первые десять дней. О ребенке говорили: Аз нӯх гузашт - аз кӯх гузашт, аз дах гузашт - аз дашт гузашт - "Пережил девять [дней] - перешел через гору, пережил десять [дней] - перешел через степь". Первые десять дней жизни ребенка назывались муборако - благословение. Родственники и близкие соседки приходили каждый день и говорили о ребенке муборак вот - "да будет благословен", чтобы ему никто не повредил. Этими днями пользовались "дурные" женщины, у которых умирали дети. Выбрав момент, когда при роженице оставалось мало народу, такая женщина шла к ней в дом, садилась, дружелюбно разговаривала. Улучив момент, когда из комнаты все выходили, она переступала через лицо ребенка и говорила про себя: Дахшам гударот нахпете вег - "Пусть вся болезнь перейдет к этому". После этого ребенок будто бы умирал, а ее собственные дети переставали умирать. Или она приносила из своего дома какую-нибудь вкусную пищу для роженицы, мысленно произнеся над чашкой эти же слова. Роженица ела эту пищу, давала грудь ребенку, и если он умирал, то считали по этой причине.

Когда приходила в дом женщина с "дурным глазом" или такая, которую могли заподозрить в дурных намерениях, кто-нибудь из членов семьи потихоньку отрывал от ее одежды лоскуток, а если не смогли это сделать, то сейчас же шли к ней в дом и старались принести оттуда какую- нибудь тряпочку. Ее сейчас же поджигали и дымом окуривали ребенка.

Чтобы охранить ребенка от Ол, ему в течение сорока дней мазали спину, щеки, внутри ушей и носа истолченным чесноком - сир, синей краской - нил, диким луком - камч и рутой - хазориспанд. Если ребенок хилый, мазали чаще, если крепкий - реже.

До девяти дней роженицу и ребенка окуривали по два раза в день дымом от подожженных старых тряпок, чтобы отогнать Ол, которая, считалось, в это время постоянно находилась в доме. Говорили, что с девятого месяца беременности и до наступления родов Ол стояла за дверями, а при родах становилась за левым плечом роженицы (за правым стоит ангел) и оставалась там до сорока дней. Для роженицы самый опасный момент - когда ребенок появляется на свет. Если женщина в это время лишалась чувств, то считалось, что Ол выхватила у нее язык, печень и легкие и отправилась к реке, где их вымоет и проглотит. Старались поскорее привести роженицу в чувство, брызгая холодной водой, чтобы Ол не успела бы съесть ее внутренности, потому что тогда женщина умрет. Ребенка Ол бьет так, что у него на теле появляются черные пятна, или прижимает снизу подбородок, отчего он не может разжать губы, не берет грудь матери и умирает.



Иногда люди"видели" Ол в этот момент и говорили ей: "О, проклятая, брось", отпугивали ее и роженица оставалась живой. Бывало, что Ол пыталась уговорить человека, который ее увидел, чтобы он разрешил ей съесть внутренности роженицы, обещая за это не трогать женщин в его роду до седьмого колена. Она являлась людям в виде мужчины или женщины, которая имела 40 грудей и распущенные длинные желтые волосы.

На третий день новорожденному давали имя. В тех случаях, когда ребенок был очень слаб, имя давали раньше, так как если бы он умер без имени, то на душах тех, кто не успел дать ему имя, был бы грех. Около роженицы собиралось несколько старых женщин, звали дедушку ребенка и еще одного постороннего человека, обязательно старика. Отец при этом не присутствовал. В наречении имени ребенку мнение женщин имело большое значение, но все же с желаниями матери и отца считались. После того как имя было выбрано, старик читал над правым ухом ребенка три раза азон - призыв к молитве и произносил его имя.

В отношении состава как мужских, так и женских имен никаких особых различий от других народов Средней Азии, и ираноязычных, и тюркоязычных, в Ягнобе не наблюдалось. Реже, пожалуй, чем в других местах, называли людей полными арабскими именами вроде Абдукарим, Абдулатиф и др., а чаще говорили просто - Карим, Латиф и т.д.

Полностью произносились такие имена, как Дуст Махмад, Махмад Ёр. К женским именам, которые иногда могли быть и мужскими прибавляли мо - луна, биби - госпожа, дама: например, Нур-биби, Саид-мо, Ниёз-мо, Хол-биби. Есть имена, которые могли быть и мужскими и женскими: Давлат-джон, Науруз-джон.

При наречении имени часто сообразовывались с обстоятельствами рождения. Так, мальчика, родившегося в пятницу, называли Джума или Одина (от арабск. и тадж. - пятница), девочку называли Одина-джон. Встречались имена мальчиков Душамбе - понедельник, Пандшамбе - четверг. Имя Науруз (для девочки Науруз-джон) давалось детям, родившимся в день весеннего равноденствия, к именам этого же порядка относятся такие, как Курбан (родившийся ко дню праздника Курбана), Рамазан (для мальчиков, родившихся в месяце Рамазан), Мухаррам - для детей обоего пола, родившихся в месяце Мухаррам.

Мальчика, родившегося в доме деда по матери, куда мать иногда отправлялась рожать, называли Бобо-ёр (от тадж. бобо - дед - и ёр - друг, спутник).

Никогда не давали одинаковых имен двум детям в семье. Если ребенок умирал, то его имя повторно другим детям, родившимся после него, не давалось.[1]

На третий день бабки надевали на ребенка первую рубашку, которую шили после рождения, так как считалось, что если шить заранее, то могут умереть мать или ребенок. Рубашку шила обычно многодетная женщина. Иногда перед тем как надеть рубашку на ребенка ее надевали на щенка, говоря: Кутe ранка даррау катта вот! Аф, аф! Хар дахи аст, нахпете тирот - "Пусть вырастет так же быстро, как собака! Аф,аф! Пусть всякая боль, какая есть, войдет в нее [собаку]". Счи-

I) Записанные нами другие сведения о наречении имени и о прозвищах, взятых из ягнобского языка, опубликованы в кн.: А н д р е е в М.С. Материалы по этнографии Ягноба, стр.I24-I26.



талось, однако, что надевать рубашку с этой целью на щенка - грех, так как собака охраняет дом от злых духов.

Брали кайрок - точильный камень, спускали его через ворот рубашки, чтобы он выскользнул через подол - "чтобы у ребенка была длинная жизнь". Надевая рубашку, бабки говорили: Бисмиллохи рахмони рахим. Ба рӯзи ник, ба соати ник! Имрӯз пӯшад пага даррат. Мех, табаре, тору пӯташ умр ёбат - "Во имя бога милостивого и милосердного. В добрый день и в добрый час! Сегодня наденет, а завтра пусть разорвет. Пусть будет жить [крепким как] колышек, топор, основа и уток".

Если ребенок был хилым, то первую рубашку на сороковой день снимали, несли на мазар и оставляли там. Люди побогаче иногда меняли ее после десяти дней и тоже относили на мазар. В семье, где дети умирали, на новорожденного кроме рубашки надевали еще гадой-халатик, сшитый из различных лоскутков, выпрошенных у людей. Свекровь или брат роженицы обходили семь домов, или (если все дети умирали) семь селений и выпрашивали у людей кусочки материи, из которых шили халатик. Его также сначала надевали на собаку и пропускали через него точильный камень. На третий день, если ребенок не очень слаб, его клали в колыбель (если ребенок хилый, то - на десятый), и мать кормила его грудью.

Колыбели и дуньёяк - полые деревянные трубочки, через которые отводится моча у лежащих в колыбели мальчиков, привозили из Гиссара. Для девочек дуньёяк делалась обязательно из козьей косточки. Считалось, что употреблять баранью косточку для "нечистого дела" грех, так как баран сам пок - "чистый ", вышел из рая, а козел от дьявола и вышел вместе с дьяволом из ада. Сипа - глиняный горшочек для мочи и экскрементов женщины делали сами. В колыбель клали тюфячок - кахганак, набитый мелкой соломой - хок, подушку под голову не подкладывали. Одна колыбель в доме служила обычно нескольким поколениям и только в тех случаях, когда часто умирали дети, ее ломали и жгли, а детские пуповины (иногда их накапливалось в колыбели несколько) засовывали в хворост в потолке дома. Когда не было маленьких детей, колыбель под-

вешивали на колышек на стену в пистик – кладовой или в кáнна. В нее складывали тюфячок, завязки – дастбанду побанд и одеяльце – кӯрпача и кроме того клали кайрок – крупную гладкую гальку, чтобы в колыбель не могли лечь злые духи. Перед тем как класть ребенка в колыбель, ее окуривали со всех сторон и внутри. Отдельно окуривали горшочек. Окуривали дымом руты, чӯби чорраха или тряпки, произнося при этом: "Во имя бога милостивого и милосердного". Ребенка в колыбель укладывала бабушка по отцу или по матери, и при этом она говорила: Бисмиллохи рахмони рахим! Катта вот, фарбех вот, пайс сашна вот, чони дайрое лапе санг вот – "Во имя бога милостивого и милосердного, пусть будет большим, пусть будет толстым, пусть нос у него будет большим, пусть душа его будет крепкой, как камень на берегу реки". Присутствовавшие при этом женщины (три-четыре) поздравляли друг друга. В колыбели ребенка окуривали, окуривали также и мать. Она садилась к колыбели и давала ребенку грудь, предварительно вымыв ее теплой водой. Считалось, что если не дать сейчас же грудь, то Ол даст пососать одну из своих сорока грудей, и ребенок умрет. Если он не брал грудь, ее окуривали дымом хазор испанд и чӯби чорраха.

Если у женщины дети умирали в течение первых двадцати дней, то перед тем как давать грудь новорожденному, приносили щенка и давали ему пососать грудь, чтобы дахиан кутe вег тирот – "ее боль перешла к собаке". В тот момент, когда мать давала грудь ребенку и он начинал сосать, свекровь роженицы становилась за ней и набивала ей рот хлебом – за щеки, под язык, чтобы та даже не могла его глотать. Пока ребенок сосал, она пережевывала хлеб, часть его проглатывала, а часть, когда ребенок кончал сосать, вынимала из рта и клала в колыбель под тюфяк, под голову ребенка, чтобы хлеб охранял ребенка от Ол. Хлебом набивали роженице рот для того, чтобы у нее всегда был "полон рот хлебом", т.е. она была бы сыта.

Ребенка кормили грудью до двух лет, кормили всякий раз, как заплачет. Давали ему и пищу, которую ели сами, кроме кушаний с кислым молоком или сыром, так как они считались



хунук – "холодными". Если у матери не было молока или было очень мало, то ребенку давали харир – жидкий молочный кисель из пшеничной муки, коровье молоко (никогда не разбавляли его водой) и топленое масло.

Если у роженицы была грудница – синадард от того, что ее "напугала Ол", то призывали старуху, умеющую делать ем, т.е. заговаривать. Она грела точильный камень – кайрок на огне и, прикладывая его к больной груди, говорила: Ему демат хамин, аф, аф, аф! Гард, гард, гард! "Средство твое (против тебя) это, аф, аф, аф! Уходи, уходи, уходи!" Потом прикладывала руку к котлу, пачкая ее в саже, и, легонько ударяя ей по больной груди, повторяла те же самые слова.

После того как ребенка положили в колыбель, в дом приходили соседки и родственницы. Они приносили роженице сдобные хлебцы и поздравляли ее. Мать лежала посредине кáнна, головой к дверям, колыбель стояла около нее. Женщины рассаживались вокруг по стенкам, их угощали кӯрутóша, в домах побогаче варили ширбиринч – молочную рисовую кашу.

Когда пуповина у ребенка отпадала, ее заворачивали в тряпочку и привязывали на колыбель ребенка в ногах. На колыбель также вешали тӯмор с зашитыми экскрементами собаки, которые будто бы охраняли ребенка от злых духов. Следили за тем, чтобы кто-нибудь из детей не покачал пустую колыбель, так как в этом случае в нее могут забраться злые духи; поэтому качать пустую колыбель увол – "грех".

Чтобы голова у ребенка была ровная, мать кормила его грудью подсаживаясь к колыбели с разных сторон, а чтобы затылок не стал выпуклым, что считается некрасивым, под голову клали что-нибудь твердое. О человеке с выпуклым затылком говорили сарш чӯбах – "голова у него длинная", и вырастив – шую его мать считали нерадивой женщиной.

Колыбель в семье переходила от ребенка к ребенку, так же как кахганак – тюфячок, побанд и дастбанд – длинные куски материи для прибинтовывания ног и рук и кӯрпача – одеяльце. Специального покрывала на колыбель – гаворапӯш в Ягнобе не было.

Ребенок спал в колыбели до двухлетнего возраста.

В Ягнобе, как и повсюду среди таджиков и узбеков, наблюдалось особое отношение к сарнахустин - первенцу, независимо от его пола. Считалось, что первенцы обладают благодатью и поэтому их часто привлекали к начинанию различных дел. Особенно "счастливыми" считались первенцы, родившиеся в соли нав - день весеннего равноденствия, так как они"могли вызывать дождь". Во время свадьбы мальчик-первенец принимал участие в одевании жениха. Чалму жениха он сначала надевал на свою голову, для того чтобы у молодых были дети.

Чтобы сохранить жизнь ребенку, иногда звали в дом женщину и даже мужчину-первенца, которые клали ребенка спинкой кверху на ладонь своей левой руки и ударяли три раза правой ладонью по земле, а потом по спинке ребенка, приговаривая: Катта вэ, катта вэ - "Вырасти большим, вырасти большим". В дальнейшем это делала сама мать всякий раз, когда вынимала ребенка из колыбели или укладывала в нее.

# МАЗАРЫ

Записи на летовье Кули-Ворсоут и в селениях Бидив, Таги-Чинор и Чукат

В Ягнобе имелся целый ряд мазаров, которые были связаны с культом деревьев, источников и камней. Три из них - Ходжа Гулистон (Хӯҷаи Гулистон - Ходжа-цветник) около сел. Бидив; Ходжа Тиртарош (Хӯҷаи Тиртарош - Ходжа, делающий стрелы), находившийся на южном склоне перевала по дороге от левобережных селений Ягноба к летовью Кули-Ворсоут, и Ходжа Бустон (Хӯҷаи Бустон - Ходжа-сад) в сел. Муштиф - связаны общей легендой. Считали, что Ходжа Гулистон и Ходжа Тиртарош - братья, а Ходжа Бустон - их младшая сестра-девушка. Старшим из братьев являлся Ходжа Тиртарош (ришаш мошу бирич - борода у него с проседью), а Ходжа Гулистон - молодой человек. Они иногда "являлись" людям на всех трех мазарах и всегда втроем. В последнее время ни в Бидиве, ни в Муштифе их люди "не видели", так как они "удалились" в горы и "скрывались" там в пещере, расположенной выше мазара Ходжа Тиртарош, в которую никто добраться не мог. На некотором расстоянии от этой пещеры находился лужок с вытекающим из-под скалы родником, куда приходили на поклонение мазару люди. Ягнобцы верили в то, что если человек сядет у самого выхода родника и будет прислушиваться, то может услышать звук строгания дерева, а в воде родника может увидеть изредка проплывающие стружки.

Мазаров Ходжа Бустон в Муштифе и Ходжа Тиртарош нам видеть не пришлось, но мимо мазара Ходжа Гулистон около сел. Бидив нам приходилось неоднократно проезжать. Здесь росли крупные деревья арчи, среди них находилась могила"святого", а около нее стоял высокий шест с железным навершием, заканчивающимся изображением летящей птички. Птичка эта имела прямую связь с относящейся к мазару легендой, в которой действующими лицами являлись все трое "святых", а Ходжа Тирта-

рош принимал образ птицы. Легенда эта была записана на летовье Кули-Ворсоут и в ней говорится: "Однажды человек по имени Сафари Бидиви (т.е. Сафар из Бидива), выпасая скот около мазара Ходжа Гулистон, лег и уснул. Вдруг он услышал, что его кто-то окликает. Он вскочил и увидел двух мужчин и девушку, стоявших на мазаре. Старший из мужчин велел Сафару подойти поближе, но тот испугался и хотел бежать. Тогда младший схватил его и хотел ударить, но старший вступился, и Сафара отпустили. После этого случая Сафар устроил в Бидиве большое жертвенное угощение- худой. После угощения на другом берегу реки, напротив мазара,было устроено вузхашӣ - козлодрание, в котором принял участие и сам Сафар. Во время козлодрания Сафар упал с лошади и, по словам одних, свернул себе шею, а по словам других, его разбил паралич. Сафара перенесли в Бидив в бессознательном состоянии и там, придя в себя, он рассказал, что во время скачки услышал голос старика, явившегося ему на мазаре, который произнес: "Один раз я тебя простил (подразумевается за то, что Сафар лег спать у самого мазара, что считается запретным), а ты снова выказываешь мне неуважение". Затем будто бы старик превратился в птицу, подлетел и ударил его, вследствие чего Сафар и упал с лошади.

Кроме этих мазаров очень почитаемым являлся мазар в сел. Таги-Чавор. Он представлял собой очень старый горный тополь больше двух метров в обхвате. Под деревом находились мечеть и мехмонхсна (помещение, где собираются в холодное время вечерами мужчины и принимают приезжих). Слева и справа в ней по стенам были устроены полочки, на которых стояли светильники. Мечеть была построена таким образом, что ствол дерева служил минаретом мечети. Особого имени у этого мазара нет. К нему в основном приходили бездетные женщины с молитвами о даровании ребенка. Говорят, что отводки от этого тополя посажены в сел. Четип, Кирьенте и Бидиве. В Бидиве принесенное в жертву животное резали на мазаре Ходжа Гулистон, а еду из его мяса варили в селении под этим деревом и там же устраивали в теплое время года и жертвенное угощение[1].



Посещали мазары, главным образом, в конце дня под пятницу и воскресенье (вечера, посвященные, вообще, духам предков).

В сел. Дехи-Баланд мазаром считался огромный куст шиповника, растущий в самом селении. Он был весь увешан лоскутками от одежды людей, проходивших мимо мазара. Люди привязывали их в знак загаданного желания и принятия обета принести жертву, если оно исполнится.

Очень характерным для Ягноба было приношение на мазары сделанных из глины и обжигаемых вместе с посудой изображений животных, главным образом баранов, и, гораздо реже, лошадей. В сел. Чукат нам пришлось видеть, что вся крыша небольшого строения мазара была уставлена фигурками баранов[2], являвшихся свидетельством принятия обета принести в жертву барана или козла, если желание исполнится.

Считалось, что в ночь на пятницу "животные" на мазаре вступали между собой в драку и "святой" развлекался этим зрелищем. Говорили, что фигурки баранов приносятся специально для увеселения "святого". Люди, сделавшие такое приношение на мазар, в дальнейшем, проходя мимо него, смотрели, цела ли его жертва, и если фигурка животного оказывалась разбитой, думали, что это произошло потому, что животное пострадало в драке, и это считалось также знаком, что мазар жертвы не принял[3].

---

1) Жертвенной едой на мазаре всегда являлся шурбо - суп, сваренный из мяса принесенного в жертву животного.

2) Об изготовлении фигурок животных и их двойной роли - как истинных приношений и как игрушки, см.: П е щ е р е в а Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков.-Сб. МАЭ, ХУП М.-Л., 1957, стр.34-36, рис.4,5.

3) Вотивные приношения на мазарах в виде фигурок животных за всю долгую практику моих полевых работ в Средней Азии мне пришлось встретить кроме Ягноба только один

Такое же гадание производилось и по камешкам, которые загадывающие желание клали на мазар. Проходя мимо, смотрели, если камешек лежит на месте, то желание исполнится, если же его не оказывалось - не исполнится.

Мазаров своих ягнобцы очень побаивались и оказывали им всяческое почтение, так как считали, что в противном случае "святой" может разгневаться и поразить человека болезнью, "ударив" его. Именно это обстоятельство признавалось всегда причиной паралича.

Проходя мимо мазара, старались совершить молитву и, дотронувшись руками до него, затем проводили ими по глазам. Иногда брали щепотку земли и клали в рот. Мимо мазаров нельзя было проезжать верхом, обязательно надо было спешиться. Если же спешиться по какой-то причине было нельзя, всадник, произнося про себя молитву, брал себя за ворот левой рукой, а правой забрасывал себе на левое плечо, в знак покорности, нагайку и так, склонив голову, потихоньку проезжал мимо мазара. Нельзя было проходить, а тем более проезжать мимо мазара, громко разговаривая и смеясь.

---

(продолжение сноски 3)

раз, и то в месте, очень близком к нему. В 1927 г. на обратном пути из Ягноба при переходе через Зеравшанский хребет, приблизительно на половине пути от вершины перевала до сел. Дарг в Фальгаре, мне попалось на глаза стоявшее неподалеку от дороги стройное одинокое дерево арчи, обвешанное лоскутками. Когда я подъехала к нему ближе, то оказалось, что, кроме лоскутков, дерево было увешано камешками и древесными корнями, похожими на фигурки животных. Так как я ехала одна, далеко впереди от всех остальных спутников, среди которых были и ягнобцы и фальгарские таджики, мне удалось собрать целый ряд этих фигурок. Они были включены в коллекцию, собиравшуюся мной для Главного Среднеазиатского музея в Ташкенте.



Наряду с этим следует отметить, что к дереву-мазару, находящемуся в селении, можно было привязывать веревку качелей. Это объясняется тем, что качание на качелях среди горных таджиков, особенно весною, а в некоторых местах обязательно в дни празднования весеннего равноденствия, носило ритуальный характер. На качелях в это время качались даже старухи, так как считалось, что этим человек очищается от грехов и всякой скверны.

# НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

При переломе руки или ноги усто ("мастер") вытягивал переломанный член и накладывал на него лубки из зурута – высушенных полых стеблей зонтичного растения или из палочек и сверху бинтовал.

При переломе в ключице или вывихе в плече руку сгибали в локте и прибинтовывали к телу, если рука сломана в предплечье – бинтовали вытянутую руку. Сломанную ногу вытягивали и бинтовали, предварительно наложив лубки. К щиколотке привязывали лоскут материи, затем на некотором расстоянии от постели больного вбивали в землю колышек, притягивали этот лоскуток к колышку и завязывали, таким образом получалось вытяжение.

Если перелом был открытый, то рану замазывали пластырем – шӯрмарҳам, представлявшим собою соленое тесто. Перед тем как накладывать пластырь, рану смазывали сырым желтком куриного яйца, чтобы прошла опухоль. Переломанный член держали в лубках до 20 дней.

Ушибы у детей лечили, прикладывая соленое тесто, замешанное на молоке матери ушибленного ребенка. Такое тесто называлось тоже шӯрмарҳам.

При нарывах у человека или у лошади в качестве вытягивающего средства применяли шкуру сурка – ха́ук. Считалось, что лучше всего действует только что снятая шкура, ее привязывали мездрой к больному месту на четыре-шесть дней. Если не было свежей шкуры, то брали сухую (высушенную) и размачивали ее в воде.

При сильном ушибе, если образовался синяк и ушибленное место опухало, применяли мочу ребенка до 15 лет (пол любой), заставляя его помочиться на кусок ваты, которую прикладывали к ушибленному месту.

Долго не проходящие ушибы (особенно копыт) и язвы у животных смазывали экскрементами человека.



Уши лечили соком цветов дикого красного мака – лола. Лепестки растирали между ладонями, сок выжимали в больное ухо и закладывали его ватой.

При боли в ушах закапывали молоко женщины, кормящей девочку, а также привязывали свежеснятую или размоченную в воде высушенную шкурку зайца.

Если закладывало уши, то кипятили воду в металлическом кувшине – чойчӯш и держали ухо над паром. В молоко клали кусочек квасцов – замч, кипятили и пили три дня подряд по утрам.

Ожоги лечили лишайником – девенонак, который толкли в ступке с мукой и этим порошком присыпали ожоги.

При сильном ожоге делали надрез на ослином ухе, брали кровь на ватку и мазали ожог.

Другое средство от ожога – это корни растения манирак. Их сушили, толкли, просеивали через сито и присыпали ожоги. Обожженное место перевязывали каждый день.

Ожоги также присыпали порошком из гнилого бревна или из высушенных корней сервич – торона.

Нарывы – ширинчак лечили, прикладывая листья подорожника – харситка.

Нарывы и гнойные раны присыпали высушенной и истолченной в порошок травой афтобпараст – просвирник.

Раны от побоев у животных присыпали перетертой между ладонями золой от старых пережженных резиновых калош.

Гнойные раны присыпали спорами гриба гевепӯк. Но это средство помогало только тем, кому оно придется по мизоҷ, т.е. будет соответствовать его темпераменту. Однако если это средство и не помогало, вреда от него тоже не было. Им лечили и животных.

Пуччак – сучье вымя лечили, прикладывая к нарывам сушеные, но мягкие еще абрикосы, и затем лук, испеченный в золе.

Для приостановления кровотечения из раны применяли саху или соль, которыми посыпали кровоточащее место.

При кашле пили ширчой из травы чои кӯхӣ. Для его приготовления кипятили воду, клали в нее щепотку высушенного и растолченного в порошок чои кӯхӣ, наливали в отвар молоко, а затем масло.

При коклюше – сулфаи кабутак больному давали пить отвар травы гули кабутак – голубой цветок.

Больного дарди мурдор или гандадахи – сифилисом поили крепким отваром из стеблей и листьев полыни–талха три дня подряд на заре. Сифилис лечили и мочой ребенка, которую пили три раза подряд, каждый раз утром.

От оспы – гул единственным лекарством считалась вода с молоком, которую предварительно долго переливали ложкой, поднимая ложку высоко в воздухе. Это как будто предотвращало опухоль. Самый большой нарыв при оспе называли гуле очайш. Чтобы больной не расчесывал оспенные коросточки, ему связывали руки и ноги.

Запор – гирифт лечили травой хшифтак (ихроч). Летом ее срывали и немножко слизывали сок. Средство это было сильно действующим и очень истощало. Чтобы остановить его действие, ели либо очень жирный суп из баранины, либо халво – поджаренную муку в масле, причем в большом количестве. На зиму траву сушили, а перед употреблением заливали горячей водой и пили настой.

Понос – рихин лечили таким способом: накануне запаривали в кувшине в воде с солью мушунг (сорт гороха) и на другой день, когда он распарится, ели.

Понос с кровью лечили халво. Детям при поносе тоже давали халво.

При засорении желудка (запоре) пили сало сурка в растопленном виде сразу столько, сколько больной сможет, 100–120 г.

От запора по утрам пили сырое молоко. Считалось, что понос со рвотой является результатом сглаза, так же, как и длительная рвота. Средства лечения: наскребали обгорелой глины со стенок очага и пили с водой или окуривали больного, зажигая кусочек материи от одежды человека, которого подозревали в сглазе.



При головной боли женщинам к волосам, а мужчинам к тюбетейке привешивали ладанку – тӯмор.

Бузакон – корь лечили так же, как и оспу, молоком с водой. Ребенка не мыли. Все домашние также в это время не мылись, так как от этого ребенку будто бы могло сделаться хуже.

Трещины на руках и ногах смазывали смолой растения очайр (ферулы?), разогретой на огне.

При болях в животе употребляли смолу – пик от этого же растения. Брали кусочек, величиною с ноготь, кипятили в молоке и пили в горячем виде.

При слабом обмораживании обмороженное место опускали в холодную воду или растирали снегом. На сильно обмороженные места клали тряпки, намоченные в очень крепком соляном растворе.

При отравлении ядом (если кто–нибудь отравит), грязную портянку мыли в воде, и эту воду давали выпить.

При роже – сурхбод, которая сопровождается красными опухолями, употребляли траву – сурхбоде вен, ствол и листья которой сушили, толкли в порошок, кипятили в воде, в этом отваре мочили тряпки и прикладывали к опухоли. Кроме того, рожу лечили отчитыванием.

При гангрене больное место смазывали смолой ферулы – пик.

При одышке – дамкутой употребляли сало сурка, которое растапливали и пили по одной ложке (граммов 50) по утрам три дня подряд.

Если заносят ногу или руку или в тело войдет игла и ее нельзя вытащить, то к этому месту привязывали язык сурка.

К больным глазам прикладывали положенные на тряпочку распаренные листья зеленого чая или прокипяченную в соленой воде вату, а также прикладывали санги хунчук – больной камень из холодной воды.

Больные глаза мазали также сурьмой или красной краской – кирмиз. Считалось, что последнее средство (краска) помогает лишь в том случае, если свойства, которыми обладает

краска, совпадут со свойствами организма больного – его мизоҷ.

Когда болели зубы, то чаще всего шли к мулле, который читал молитву над семью кусочками соли. Кусочек этой заговоренной соли клали на больной зуб и крепко прижимали другими зубами.

Больной зуб лечили и прижиганием. Существовало два способа. При первом раскаляли до красна кончик шила или большой (хомутной) иглы, называемой чуволдӯз, проткнув предварительно иглой кусочек теста (тесто должно предохранить десну от ожога), затем прижигали больной зуб.

При втором способе брали тонкую палочку, обматывали ее ватой, которую обмазывали нетопленым маслом – раѯғани маска – хинӣшта, а затем обваливали кончик палочки в семенах растения арванка (в Матче и название травы и средства – те же). Больного сажали на землю, ставили перед ним чашку с водой, голову накрывали халатом. Палочку поджигали и давали больному в руку. Он сам подносил ее к больному зубу, широко раскрывая при этом рот, и сидел так, пока вся палочка не истлеет. Считалось, что при этом все "черви", которые "едят" зуб, должны вывалиться из зуба и попасть в чашку. А чашка с водой ставилась для того, чтобы посмотреть "червей", так как они очень мелкие и их можно увидеть только в воде.

Иногда зуб удаляли. Для этого за больной зуб привязывали веревочку. Два человека держали больного за плечи, а третий дергал за ве́ревочку. Этот способ применялся тогда, когда не было мастера с щипцами. Щипцы для удаления зубов делались специальные, их привозили из городов. Если "усто" выдергивал зуб, то другой человек держал голову пациента. В особо трудных случаях, когда у зуба большие корни и мастер несколько раз накладывал щипцы и не мог вытащить зуб, он спрашивал пациента: Аз хуну пӯстат мегузарӣ? – "Прощаешь ли ты за твою кровь и кожу?" При этом подразумевалось, что в эти кровь и кожу входят также и сами челюсти. И если пациент говорил "прощаю", то мастер прочно усаживал его, упирался ему в грудь ногой и тащил зуб.



Ангину лечили "специалисты", которых называли емгар, обычно это были старые люди, род которых "обладал силой лечить от сглаза", от действия "злых сил". Емгар лечил тем, что прикладывал руку ко дну котла и затем испачканной сажей рукой прикасался к больному горлу и говорил: "Ему демат ҳамин. Аф, аф, аф, гард, гард, гард!" – "Средство от тебя вот это. Аф, аф, аф, выходи, выходи, выходи!"

Затем проводил углом своего головного платка по горлу больного и говорил: "Пуштем икта, ман тем куномшт. Нахеш дахи сабаб ба сабаб дур вот" – "Род мой это делал, и я делаю. Пусть эта боль постепенно удалится".

Бородавки – озах сводили так: шли к серному источнику – чашмаи озахак (в Ягнобе – в верхней части Куля, в Матче – около Обурдона) и мазали покрытые бородавками места илом со дна источника, потом смывали его водой и, не оглядываясь, шли домой. Желая избавиться от бородавок, применяли и другое средство: шли к мулле, тот брал в правую руку щепотку соли, читал молитву и семь раз дул на руку, в которой держал соль. Потом человек, имевший бородавки, нес эту соль к роднику или к речке, натирал ею покрытые бородавками места, затем закапывал соль в песок на берегу и уходил домой, не оглядываясь.

При дарди дил – боли в животе толкли семена растения кору, небольшую щепотку этого порошка кипятили в молоке и отвар пили три дня подряд по утрам, натощак.

Если после прокалывания мочек ушей для серег появлялись коросточки, то лекарством служила слюна матери девочки, которой прокололи уши.

При ревматизме – обгазид-рутубат, когда боли очень острые, к больным местам привязывали шкуру сурка. Если болезнь принимала хроническую форму, то других средств, кроме пребывания в теплом месте и еды горячительной пищи (жирное мясо, масло), не употребляли.

При свинке – бо́ғра (в Матче – боғла) в очаг ставили старый глиняный горшок, в котором раньше держали масло, и когда на дне его собиралось вытопившееся из стенок сосуда некоторое количество масла, им смазывали опухоль.

Если голову сильно напекло солнце, то головную боль лечили тем, что к темени прикладывали пену из речки или грязь из мельничного желоба.

При раздражении глаз и даже слепоте от длительного смотрения на снег, например, в пути зимой, к глазам прикладывали снег. Считалось, что в это время очень опасно сидеть в дымном помещении, так как от дыма глаза окончательно ослепнут.

Насморк - ризонгӣ лечили свежим луком, как диким, так и огородным, привозимым с равнин. Лук ели и затем дышали носом, выпуская из себя воздух, пропитанный луковым запахом.

При мигрени - дарди шакика к тюбетейке или шапочке - кудута привешивали продолговатую черную бусину с поперечными светлыми полосами.

При крапивнице - харчавак натирали ячменем покрытые сыпью места, затем сыпали ячмень в подол рубахи или в полу халата и скармливали его ослу.

При болезни сагисак (?) больное место смазывали кислым тестом, после чего тесто отдавали съесть собаке.

При укусе скорпионом яд из ранки высасывали, а скорпиона протыкали иглой или шилом, и когда скорпион подыхал, боль должна была успокоиться.

Считалось, что желтухой - зарпарви(н) человек заболевал от жары, и поэтому больного купали в реке три утренние зори подряд.

Если болело горло, то считали, что больной поел какой-либо нехорошей пищи.

Бельмо - гул бывает красное и белое. Для излечения красного бельма в чашку с водой сыпали пшеницу и читали при этом молитву, а при белом бельме в чашку сыпали рис.

При чесотке - хушкхора больное место смазывали салом сурка или сливками (в Матче кипятили мясо сурка и мылись в этой воде).

Если кусала бешеная собака, то ее надо было обязательно убить, и тогда больной поправится. Одежду, в которой он был, когда его укусила бешеная собака, надо было раздать бедным как худой - жертву богу.

Считалось, что люди, болевшие затяжными болезнями, умирают весной во время цветения бойчечак - гусиного лука.



Дами - называли человека, у которого плохо пахло изо рта. От этого лечили отчитыванием.

Пес - ложная проказа, при которой на теле появлялись белые пятна, считалась такой же болезнью, как и сама проказа. Считали, что человек может заболеть этой болезнью, если он выбросит свои остриженные ногти и их съест курица.

## СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

Песни пели хором пришедшие на свадьбу женщины. Пели от лица гостей, родственников и от лица матерей жениха и невесты. По месту и времени исполнения песни можно разделить на четыре группы: песни, которые пели в доме жениха; песни, которые пели в доме невесты; песни, которые пели в доме жениха после возвращения из дома невесты; песни, которые пели в день помолвки.

### Песни, которые пели в доме жениха

Утром в день свадьбы, когда гости собрались, чтобы идти в дом невесты, женщины пели две песни, причем вторую пели от лица близких родственниц жениха - сестер и теток. Эти же песни пели и в доме невесты в начале свадебных церемоний, только вместо "додар" вставляли в текст песен "духтар".

Се моҳ шудай дардара дорат туйдор.
Худ гуфта будӣ: "соҳум кушум, усма тиём"
Билло, ба худо, гушнаи зорам, туйдор,
А раҳаки дур дав-давон омадам, туйдор,
Пеши псари миҳрбон омадам, туйдор.

Уже три месяца, как хозяин праздника в хлопотах.
Ты сам говорил: "Я зарежу откормленного быка, дам усмы".
Клянусь аллахом! Клянусь богом! Очень я голоден, хозяин.
Бегом прибежал я из далеких мест, хозяин праздника.
К любезному юноше пришел я, хозяин праздника.

Ай раҳаки дур тешара (ба) даст овардам,
Дар туи додар тешара (ба) даст овардам.
Мардум мегун: "Туи додар чӣ овардӣ?"
Як ҷони ширин дар кафи даст овардам.

Из далеких мест я принес тешу,
На свадьбу брата моего я принес тешу.
Люди спросят: "Что ты принес на свадьбу брата(твоего)?"
Я принес (на нее) в руке нежную душу (свою).



В начале угощения собравшиеся гостьи пели:

Ошат начашам, ошаки туят начашам,
Даст андозам кутани туйдора кашам
Ин шаҳа бин, туяш қарибӣ дорат,
Душманоя бин, бахилӣ дорат.

Если не поем твоей еды, твоего свадебного угощеньица,
То схвачу я рукой за зад и потяну хозяина праздника.
Посмотри на этого жениха, скоро его свадьба,
Посмотри на врагов (его, как) они завидуют.

Перед отправлением жениха в дом невесты пели:

Аз хона баромадӣ, рост истодӣ
Ту шаҳа бин, бедумоғ истодӣ
Аз хона баромадӣ шаҳ сари роҳ,
Ин саллаи ақрабӣ гирифт руша паноҳ.

Вышел из дома(ты)и стал прямо.
Ты посмотри на этого жениха, стоит он грустный.
Из дома вышел жених на дорогу,
Чалма рубинового цвета закрыла лицо его.

При отправлении жениха в дом невесты пели от лица его матери:

Ин чингилик боз парча дорат шаҳ,
Ё аспи сиёи нила дорат шаҳ
Дар майлиси эйт биназир ас шаҳ.
Ё дар назарам тулфа азиз ас шаҳ.
Ай роҳаки бом мефроят бача.
Ба ҳуҷра ба ноз медароят бача.
Мо шаҳд мехурим ҳуҷраҳакои танганда,
Охир мемурим, шаҳ, Самарқанданда

О, вороной (букв. черно-синий) конь у жениха,
На праздничном собрании нет подобных жениху
О, удивительно великолепен, на мой взгляд, жених.

Сходит с крыши юноша[1],
Кокетливо,конфузясь, входит в комнату юноша.
Мы едим мед в тесных комнатках,
В конце концов умрем, а жених в Самарканде.

От лица родственниц жениха пели:

Дар хонаи туйдор алоу месузат,
Ниспи чигарам пилтаи доғ месузат.
Гуфтам, биравам пилтаи доғро кушам,
Ин толеи паст хонаба меҳмон омат

В доме устроителей свадьбы горит огонь,
Половину печени моей жжет раскаленный фитиль.
Сказал(а) я: "Пойду потушу горящий фитиль".
(Но) к несчастью (букв.это плохая участь, доля), к нам пришел гость.

Пели все гости, как женщины, так и мужчины:

Ё худо, ғайкем катта вот, бозӣ кунот, вир кунот
Ё худо, вир кунот, масти кунот!
Ё худо, кутам катта вот, инч носот, шодӣ кунот,
Ё худо, инч носот, шодӣ кунот!
И ғурдаку ду ғурдак,
Фиртак лаби токча сан!

О боже! Пусть дочь моя вырастет, будет плясать, выйдет замуж!
О боже! Пусть она выйдет замуж,пусть опьянится(страстью)
О боже! Пусть сын мой вырастет, пусть женится, пусть порадуется.
О боже! Пусть женится, пусть веселится, пусть будет доволен (счастлив)!

Один глазок, два глазка,
Быстренько вскочи на полочку!

---

1) В Ягнобе в хорошую погоду празднества проходили на крышах.



## Песни, которые пели в доме невесты

Перед отъездом невесты в дом жениха гости пели:

Сабзина занак, қаддат ниҳоли гандум,
Ҳолат чи шават дар ӣ диёри мардум?

Смугляночка, стан твой - побег пшеницы,
Что с тобою будет на чужой стороне?

Пела мать невесты:

И аруса бин меканат дарҳоро,
Бо руяки сурх мебарат дилҳоро.
Як даста гулам ба миёни об афтодай,
Кулли духтари нағз ба шуи нобоб афтодай.

Посмотри на эту невесту, ломятся в двери (посмотреть ее)
Румяным личиком она покоряет сердца.
Букет мой упал в воду,
Все хорошие девушки достаются плохим мужьям.

Пела сестра невесты:

Борон грифт, чилиска борон грифт
Ин хоҳари ман роҳаки поёна грифт.
Гиристаму нолидам сардардам грифт.
Аш шодии рафтанша рухсат нагрифт.

Пошел дождь, заморосил дождь,
Это сестра моя поехала вниз по долине.
Плакала я и стонала, заболела у меня голова,
(А) она от радости, что уезжает,(даже) не попрощалась.

Пел юноша (жених?):

Соғуча гирим, равим таги олуча,
Ҷонам садқа, ҷувонзани бебача.
Ба бача нагу дилам ҳалок ас ҳануз,
Қиссаи он шаҳ дароз ас ҳануз.

Кадцат ба даруни тор мемонат, ёр,
Рухат маҳи навбаҳор мемонат, ёр.
Ишқ овардӣ ба доманам пайвастӣ
Ман касал шудам, нагуфтӣ – беҳтар ҳастӣ

Возьмем-ка лукошко и пойдем под дерево алычи,
Милая моя молодица бездетная,
Не говори парню, что сердце у тебя разрывается,.
(Ведь) рассказ об этом женихе еще долог.
Стан твой подобен струне (дутара), друг,
Лицо твое подобно луне раннею весной, друг.
Принесла ты любовь и связала ею меня (букв. привязала
к полам одежды моей).
Я заболел, а ты не сказала, что мне лучше.

Пел жених:

Чашми бади халқ ба чашми мастат нарасат,
Офате (ба) лабони майпарастат нарасат.
Ас пеши худо ҳамин мурод металабам –
Ба қадди муборакат ҳич шикаст нарасат.

Пусть чей-нибудь плохой взгляд не упадет на твои
опьяненные (томные) очи,
Пусть никакое несчастье (беда) не постигнет твои хмель-
ные уста.
У бога я прошу только,
Чтобы никакой беды не случилось со станом твоим благо-
словенным.

Песни, которне пели в доме жениха после приезда невесты

Когда невесту подвозили к дому жениха, его сестры пели:

Ё, додари ҷон, аруса овард кӯча,
Мардум ба тамошо, – "ку, биним руша".
Чӣ мебинит? – "Арусаки гулруша".

О, братец привез на (нашу) улицу невесту.
Люди глазеют – "Ну-ка, посмотрим ее лицо".
Что вы увидите? – "Розоликую невестушку его".



Шомро қурбон, намози шомро қурбон,
Зону зада, гушаи бомро қурбон

Да буду я жертвой за вечер, жертвой за вечерний намаз,
Встав на колени, да буду я жертвой за уголочек крыши
(т.е. за уголочек крыши, встав на которнй на колени
я смогу смотреть на происходящее).

Когда невесту ввели в дом, то гости пели:

Э, туйдор, арус ҳуборак бошат,
Дар руи дили арус садаф ҳаторак бошат.
Э, аруси нау, моам худо дорем,
Занҷир зи пои ошуқон бардорӣ.

О, хозяин праздника, да будет благословенна невеста
(поздравляем с невестой),
Пусть на груди у невесты будет перламутровое ожерелье
О, невеста! У нас тоже есть бог,
Сними же цепи с ног влюбленных.

После того как невесту посадили, от лица родственников
жениха пели:

Рафтам ба Қаротагин анор овардам[I],
Як ҷармари сури наушикор овардам.
Як ҷармари сури наушикорро чӣ кунам?
Аз барои шаҳи наубуҳор овардам.

Я поехал в Каратегин и привез (оттуда) гранат,
Я привез (оттуда) только что пойманного золотистого со-
кола.
Что мне делать с этим только что пойманным золотистым
соколом?
Я привез его для молодого (букв. весеннего) князя (т.е.
жениха).

I) Не заимствовано ли это четверостишие, как и следующее, от каратегинцев из к. Зидди?

Рафтам ба Қаротагин анор овардам,
Се сад гули сурхи панҷадор овардам.
Се сад гули сурхи панҷадорро чӣ кунам?
Як ҷармари сури навникор овардам.

Я отправился в Каратегин и привез гранат,
Привез триста ветвистых красных роз.
Что мне делать с тремя стами ветвистых красных роз?
Я привез только что пойманного золотистого сокола.

Хеник пел (вернее от лица хениха пели):

Аз хона баромадӣ, эй маҳпора,
Ба ҷомаи адрас, дилам сат пора.
Аз хона баромадӣ рост истодӣ
Ёрам, гуфтам, чӣ бедимоғ истодӣ ?

Ты вышла из дома, о, молодой месяц,
В адрасовом халате и сердце мое (разорвалось) на сто кусочков.
Ты вышла из дома и стоишь прямо,
"Друг мой, - сказал я, - почему ты печальная?"

Невеста пела (вернёе от лица невесты пели):

Ҳар нас ки Уротеба равад, ёраш ман,
Мисқоли бирянжи сабукбораш ман.
Ин бачая бин, фитна миангизат,
Раҳ мерават, ай вай намак меризат.

Всякому, кто пойдет в Ура-Тюбе, я спутник (попутчик)
Я его груз легкий, как мисхаль шелка.
Посмотри на этого юношу - вызывает он смятение,
Он идет и очарование с него струится.

От лица невесты пели:

Рау очама гу духтарат бемор ас,
Рангаш ба мисоли каҳгили девол ас,



Рау очама гу: "Духтарат зорӣ кард,
Ба оби дида курта зангорӣ кард".

Пойди, скажи моей матушке: "Дочь твоя больна,
Цвет лица ее похож на глину, которой обмазывают стены (т.е. желтый)"
Пойди, скажи моей матушке: "Дочь твоя плакала,
Слезами залила (букв. озеленила) она платье".

Ёрам рафтас, ба лаб намехандам ман,
На сар мешум, на курта мепушам ман.
Корвони Бухоро омад, мепурсам ман.
Гуфти(о), ки "Надидаям намешиносам ман".

Друг мой ушел, и я (даже) не улыбаюсь,
Не мою голову и не надеваю (новое) платье.
Пришел караван из Бухары, (и) я спрашиваю (о друге).
Сказал (тот, т.е. караванщик): "Не видел я, не знаю я (друга твоего)".

Намолаки нақшинаки ёр дар бағал.
Ёр ёри дигар грифт, ман бехабар.
Ёр ёри дигар грифт, ман пуралам,
Озода ҷувон рафтит сухтас ҷигарам.

Вышитый платочек друга за пазухой (у меня).
Друг подружился с другой, а я и не знаю.
Друг подружился с другой, а я полна горя.
Красивый юноша, ты ушли, а я мучаюсь.

Женщины пели:

Булбул ба сари навдаи ларзон омад,
Хунаш бичакид буи гулистон омад

Соловей сел на колеблющуюся ветку,
Капнула его кровь, донесся аромат цветника.

## Песни, которые пели в день помолвки

В доме невесты собирались девушки, проводили время в пении и танцах и пели следующие песни:

От имени невесты:

Ай Балх омадим то Бухоро мерим,
Ҳазрати амира тамошо мерим.
Ҳазрати амира тамошо нашуд,
Гуспанд шудим охир, ба саудо мерим.

Пришли мы из Балха, пойдем до Бухары,
Пойдем посмотреть на его светлость эмира.
Посмотреть его светлость эмира не удалось,
Ведь в конце концов стала я овцой, иду я на продажу.

От имени матери невесты:

Очаш мегут: "Духтаракам садбарг ай,
Оё, ба кадом насиби тармарг ай.
Оё, духтаракам нори гул ай,
Оё, ба кадом насибаи пирсуғур ай".

Мать ее говорит: "Доченька моя – махровая роза,
Неужели же ей суждена ранняя гибель?
Доченька моя – цветок шиповника,
Неужели же ей суждено достаться какому-нибудь старому сурку?"

От имени жениха:

Рау очата гу, мана домод гират,
Як даста гули сафеда сауғот гират.

Пойди скажи своей матери, пусть возьмет меня в зятья,
Пусть возьмет в подарок букет белых цветов.

Ё арбоби диёр, духтарата ба мо додӣ,
Поям ба замин намерасат аш шодӣ.



О, знатный человек округи, ты отдал мне свою дочь,
Ноги мои от радости не касаются земли.

Молодой человек пел от имени жениха:

Чашмон дорӣ, – гуфтас ша, – мурдаро зинда кунат:
Фарзанди касонро ба пеши худ банда кунат.
Фарзанди касонро намекунат фарзандӣ,
Сад тауқи тилло бар гарданаш набандӣ.

У тебя (такие) глаза, что, – сказал жених, – оживят мертвого,
Детей людских сделают своими рабами,
Не сделает она своим сына (чужих) людей,
Если не повяжешь на шею ей сто золотых ожерелий
(т.е. не добьешься ее благосклонности до тех пор,
пока на ней не женишься).

Девушка пела от имени невесты:

Рау, очама гу муллоро домод кунат,
Як даста гули сафед сауғот кунат.
Як даста гули сафед дар наудаи бед.
Рау, гаштани домулло – ларзидани бед.

Иди, скажи моей матери, пусть она сделает (своим) зятем муллу,
Пусть подарит букет белых цветов.
Букет белых цветов на ветке ивы,
Походка муллы – трепетанье ивы.

От имени матери невесты:

Духтар, духтар, сарта нашу дар лаби ҷу,
Ты камхабарӣ! – Падар туро дод ба шу.

Дочка, дочка не мой головы на берегу ручья,
Ты ничего не знаешь! – (Ведь) отец выдает (букв. отдал) тебя замуж.

От имени дочери:

Ҳам риши падарам р... ҳам суҳбати шу',
Як гаштани бачагим беҳ аз се сад шу.

На... и на бороду отца, и на общество мужа,
Моя детская (привольная) жизнь лучше трехсот мужей.

Пел молодой человек:

Ду қоши сиёи занҷабили хуши ту
Чӣ наргиси пурхумори аламкуш пеши ту?
Мардум мегун: "Гуҷо ас ақлу ҳуши ту?"
"Ақлу ҳуши ман - нози ҷамоли ту".

У тебя черные, пахнущие имбирем, красивые брови,
Что по сравнению с тобой полный опьянения убивающий
мир нарцисс?
Люди говорят: "Где твой разум и чувства?"
Разум мой и чувства (поглощены) прелестью твоей красоты.

Девонбегӣ, ба гаштанот зор шудам,
Чашмои туро ба зар харидор шудам .
Чашмои туро ба зар қиммат нафуруш,
Гар бифурушӣ, бар мани бечора фуруш.

Девонбеги, я тоскую по твоей походке,
Я хочу купить на золото твои глаза,
Не продавай свои глаза дорого на золото,
А если продашь, то продай мне бедному.

Девушка пела:

Дар аспи саман савор бошид, э ёр,
Май, май хуру беқарор бошид, э ёр.
Сад ранҷи замона фалак мебоят,
Дар даҳани аҷдаҳор бошид, э ёр.



Сидеть верхом на соловой лошади (желаю) вам, о друг,
Пить вино и лишиться покоя (желаю) вам, о друг.
Превратностям судьбы надо покоряться,
Хоть и забросит она в пасть дракона, о друг!

Девушки пели:

Болои ҳисор капоҳри широзӣ,
Ин фстиҳаи наукардаро кулух меандозӣ

Выше хисара (крепости, ограды) цветные палатки (шалаши),
Ты бросаешь комочком (камешком) в эту только что просватанную (девушку)[I].

---

I) Кидают камешком в кого-либо, чтобы обратить на себя внимание (например, при ухаживании).

# ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.


От редактора . . . . . 3
От автора . . . . . 5
Скотоводство . . . . . 8
Молочное хозяйство . . . . . 21
Домашние промыслы . . . . . 26
Домашний быт . . . . . 30
Свадьба . . . . . 34
Беременность и роды . . . . . 56
Мазары . . . . . 73
Народная медицина . . . . . 78
Свадебные песни . . . . . 86



Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР



Елена Михайловна ПЕЩЕРЕВА


ЯГНОБСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ


Отв. редактор Николай Николаевич Ершов

Редактор издательства Л. Н. Крелина
Художественный редактор Р. Абдуразаков

КЛ 05084. Подписано к печати 27 УШ 1976 г. Формат бумаги 60x84 1/16. Объем - физ. л. 6,25. Приведенных к формату 60x90 - 5,6 л. Уч.-изд. - 5,5. Тираж 1200. Заказ 700. Цена - 55 коп.

Издательство "Дониш", Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2.
Типография издательства "Дониш", Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2.